13

Войдя в вестибюль дома Казимира де Валтоса, Тарин Хонан через распахнутую настежь дверь бросил взгляд в столовую. Пол под столом был усыпан осколками разбитой посуды и тонкого хрусталя. «Какая, право, досада, — подумал Тарин. — Такие изящные дорогие вещи, и так безрассудно уничтожены!..»

Но тут его внимание привлекла женская накидка, висящая на крюке рядом с входной дверью. Облизав губы, Хонан приподнял край дорогого одеяния, поднес его к лицу и с видимым наслаждением вдохнул нежный аромат. О да, он узнал эти духи — они принадлежат прелестной Солане. Интересно, она тоже здесь? Странно, подъезжая к дому де Валтоса, он не видел ее кареты.

Размышления Тарина прервал донесшийся с лестницы кашель, и Хонан повернулся, отбросив накидку и покраснев от стыда и неожиданности.

На лестничной площадке стояли Казимир де Валтос и Вендаре Талун и смотрели на него. Пока главы картелей спускались к Хонану, тот просеменил в центр вестибюля и кашлянул в кулак. От взгляда Тарина не укрылось, что Казимир сегодня выглядит особенно возбужденным и пребывает в прекрасном настроении, тогда как Вендаре показался Тарину мертвенно-бледным, словно он только что испытал глубокое потрясение.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Казимир, и Тарина передернуло от страшных, металлических поток, прозвучавших в его голосе. — Я говорил тебе не приходить сюда. Или ты забыл?

— Д-д-да, конечно, — заикаясь, пролепетал Та-рин, — но я должен был тебя увидеть. Этим утром меня вызвала во дворец губернатор. Что за вопросы там мне задавали! Это ж ни в какие рамки не лезет! Спрашивали о таких вещах… Они…

— Тарин, полегче, — перебил его Казимир, положив свою тяжелую руку на дряблые жирные плечи Хонана. — Пойдем присядем в гостиной у огня и обсудим это как воспитанные люди, да?

Тарин благодарно кивнул и позволил де Валтосу повести себя через дверь, расположенную напротив двери в столовую.

Здесь, как и было обещано хозяином, в камине дружелюбно полыхал огонь, и Тарин принялся устраиваться поудобнее в кожаном кресле с высокой спинкой, пока де Валтос наливал три добрые порции ускавара из бутылки, которая стояла на большом подносе с напитками. Быстрыми шагами подойдя к Казимиру, Талун чуть ли не выхватил один из трех стаканов из рук хозяина дома и поглотил его содержимое одним глотком. Оба предводителя картелей с полминуты пошептались о чем-то, затем Казимир, усевшись напротив Хонана, протянул ему хрустальный стакан с янтарным напитком. Вендаре же так и остался стоять у подноса с напитками, наливая себе очередную порцию.

— Ну, Тарин, что ты там понарассказывал? Чтобы успокоиться, Хонан глотнул из стакана.

— Что же это творится на нашей планете, когда с таким влиятельным лидером картеля, как я, представитель Администратума обращается, как с обычным преступником? Этот Барзано приставал ко мне с идиотскими вопросами насчет моего особняка, ну, ты знаешь, того, который я тебе одолжил на время.

Казимир кивнул, задумчиво пожевывая свою нижнюю губу, и Тарин заметил, что хозяину дома, похоже, было слишком жарко от огня в камине, — на лбу у него выступили блестящие капельки пота.

— С тобой все в порядке, Казимир? — забеспокоился Тарин.

— Вовсе нет, — фыркнул Вендаре, снова наполняя свой стакан до краев.

Бросив на Талуна полный ненависти взгляд, Казимир, кивая Хонану, произнес:

— Пожалуйста, продолжай, Тарин. Не беспокойся о Барзано, ему недолго осталось создавать нам проблемы. Ну так что же он хотел узнать?

— Ну, он заявил, что Церковь Старых Принципов использовала мой особняк для своего очередного жестокого нападения. Ты можешь себе представить? Из моего дома?! Смешно, правда?

— Очень, Тарин! — вдруг захохотал Казимир. Жуток был этот истеричный смех, начисто лишенный какой бы то ни было веселости. — Видишь ли, это правда. Все это правда. Ты просто слишком глуп, чтобы это понять.

Тарин открыл было рот, чтобы выразить свой протест, но Казимир не дал ему возможности ответить:

— У тебя нет ни малейшего представления о том, что происходит на этой планете, Тарин. События развиваются в соответствии с моими замыслами. Мо-и-ми! Я вложил слишком много средств, чтобы все пошло прахом из-за такого ничтожества, как ты, Тарин!

От этих неожиданных и, что самое ужасное, неоправданных нападок на глаза Тарина Хонана навернулись слезы.

— Брось, Казимир, что за радость тебе бросаться такими фразами? Мы, в конце концов, друзья, так ведь?

— Друзья? — передразнил своего «друга» Казимир де Валтос. — Нет, Тарин, мы не друзья. Ты

всего лишь жалкий комок грязи, на который я наступил по пути к бессмертию. А теперь пришло время избавиться от тебя!

Тарин услышал звук открывающейся позади него двери. Казимир, подняв взгляд, кому-то улыбнулся, видимо тому, кто бесшумно вошел в эту дверь. Но улыбка хозяина дома была далеко не дружеской. В поисках поддержки Хонан в отчаянии бросил взгляд на Вендаре Талуна. Ведь кто же, как не его старый добрый друг Вендаре, защитит Тарина? Уж он-то не позволит Казимиру разговаривать с ним в таком тоне!

Но Вендаре Талуну было не до Тарина — он, открыв рот, в ужасе уставился на вошедшего. Тарин услышал звук приближающихся тихих шагов, и бледная, испещренная тонкими жилками рука легла на плечо толстяка.

Ногти на длинных тонких пальцах этой руки были черными и необычайно острыми. От руки исходил сильный запах дезинфицирующего средства.

Тарин в страхе задрожал и судорожно сглотнул подкативший к горлу комок.

— Казимир? Что происходит? — захныкал он.

Развернув свою жирную тушу в кресле, он увидел высокую тонкую фигуру в простом красном халате и хирургической маске. Лица незнакомца он разглядеть не мог, единственное, что он видел, — это огромные глаза темно-фиолетового цвета. Вторая рука этого кошмарного человека, скользнув к шее Тарина, слегка оттянула на ней кожу, и толстяк почувствовал, как от этого легкого прикосновения по спине его побежали мурашки.

Казимир де Валтос вернулся в свое кресло и сделал глоток из стакана.

Тарин собирался было что-то промямлить, но вдруг ощутил острую пронизывающую боль в горле, когда толстая игла вошла в его шею. Он вздрогнул, но боль тут же прошла, ее сменило ощущение тепла, голова закружилась, и он словно поплыл куда-то. Веки Тарина внезапно налились свинцом, и глаза закрылись. В этот момент Казимир де Валтос заговорил, и Тарину пришлось напрячься, чтобы разобрать его слова.

— Тарин, это Хирург. Я думаю, настало время вам познакомиться поближе.

Тарин Хонан улыбнулся, сонно кивнул, а быстродействующее снотворное тем временем понеслось по его венам.

Недопитый стакан с ускаваром выскользнул из его пальцев и, ударившись об пол, разбился.

Барзано вышел из комнаты для допросов, где Ор-тега и Шарбен попеременно работали с девушкой, спасенной Леаркусом от «арбитров»-убийц. Губернатор Микола Шонаи, Алмерз

Чанда и Лиланд Кортео стояли перед окном комнаты, наблюдая за работой арбитров. Лицо Шонаи было каменно-непроницаемым, но Чанде и Кортео явно было не но себе от зрелища, свидетелями которого они стали, — девушку допрашивали с пристрастием, по всей строгости закона.

— Она что-нибудь знает? — первой нарушила молчание Шонаи.

— Не думаю. Во всяком случае, ничего существенного. Все, что пока из нее выжали, это несколько имен. Но она, увы, слишком мелкая рыбешка, чтобы знать что-либо действительно ценное.

— Тогда зачем все эти… неприятности? — подал голос Чанда, махнув рукой в сторону ссутулившейся фигуры за стеклом.

— Потому что никогда не знаешь, под каким камнем обнаружишь очередной фрагмент головоломки, мой дорогой Алмерз.

Чанда нахмурился. Ему не нравилась чрезмерная фамильярность Барзано, и он отвернулся от эксперта.

— Она была на статуе, — ледяным голосом произнесла Микола Шонаи. — Она одна из зачинщиков демонстрации. Она должна что-то знать.

— Возможно, — согласился Барзано. — В таком случае она — упертый борец. Легко не расколется.

— Делайте все, что сочтете нужным, — приказала Шонаи. — Мне теперь все равно, главное — выяснить, кто за всем этим стоял и кто заплатит мне по счетам.

— О, мы выясним, кто сделал это, я гарантирую, — пообещал Барзано. — Полагаю, что один из ваших соперников оказался умен и весьма коварен, используя посредников и ячейки активистов, чтобы мы не смогли докопаться до корней этого предательства посредством одного ареста. Я знаю, видел, как это делается. Уверяю вас, вскоре выяснится, что ничему нет никаких доказательств, не осталось никаких документов, поскольку на бумаге ничего и не фиксировалось, но при этом каждый из заговорщиков был в курсе всего плана. Я думаю, после того как им удалось вывести на улицу толпы народа, не потребовалось больших усилий, чтобы превратить демонстрацию в бойню.

Шонаи кивнула:

— Достаточно было искры, чтобы в один момент все полыхнуло.

— Именно так. Что и было проделано капитаном Ведденом, будь проклята его душа.

— Он пришел в сознание? Можем мы его допросить?

— Пока нет, но ваш врач полагает, что мы сможем это сделать уже сегодня, правда несколько позже. Хотя он, как врач, не рекомендовал беспокоить больного так скоро.

— Будь он проклят вместе со своим беспокойством! Я хочу, чтобы того ублюдка разорвали напополам. Мы, Арио, близки к разгадке, я чувствую это.

— Пойдем, — вдруг сменил тему разговора Барзано. — Я бы выпил. Есть еще желающие?

Шонаи бросила на Барзано суровый взгляд, но затем мрачное выражение ее лица смягчилось, и она кивнула:

— Я бы тоже не отказалась от глотка ускавара. А почему бы и нет?

Кортео ухмыльнулся:

— Ну, я всегда говорил, что негоже позволять человеку пить в одиночку. Поэтому я к вам присоединяюсь.

— Алмерз? — Губернатор подняла глаза на Чанду. Главный советник губернатора отрицательно покачал головой:

— Благодарю за предложение, губернатор, но я останусь здесь на тот случай, если арбитры все-таки узнают что-нибудь ценное и понадобится срочно сообщить вам об этом.

Перед тем как остаться в обществе Барзано и Кортео, губернатор Шонаи положила руку на плечо Панды и слабо улыбнулась ему:

— Ты хороший человек, Алмерз. Спасибо. Поклонившись, Алмерз Чанда продолжил наблюдать за допросом девушки.

— Итак, у вас уже был опыт в подобных делах, эксперт Барзано? — спросил Лиланд Кортео, вновь набивая свою трубку.

Барзано сел, поджав под себя ноги, на свою кровать и кивнул, потягивая ускавар. Как только троица вошла в его комнату, между чиновниками установилась атмосфера неформального общения.

— Да, мистер Кортео. Я побывал во множестве самых различных мест и имел дело с огромным количеством людей, полагавших, что они неподвластны законам Императора.

— И вы убеждали их в обратном? — вставила Микола Шонаи.

— Разумеется, — улыбнулся Барзано.

— И чем вы завершите свою миссию на Павонисе, когда получите то, за чем прибыли?

Вопрос был задан как бы между прочим, но Барзано почувствовал всю его серьезность. Он хотел было солгать губернатору, но решил, что она заслуживает того, чтобы знать правду:

— По всей вероятности, вы будете отстранены от управления этим миром. Неудача в ведении дел на планете Империи — это преступление, а ваш режим здесь вряд ли можно считать успешным. Или вы не согласны с этим?

Лицо Кортео покраснело от гнева после столь откровенного ответа Барзано, и он со стуком опустил свой стакан на стол эксперта.

— А теперь послушайте, черт побери! Возможно, вы действительно большой профессионал по улаживанию конфликтов, возможно, даже лучший из всех, что есть на Терре. Но права так разговаривать с имперским командующим вам никто не давал.

— Нет, Лиланд, у него есть все права, — прошептала Шонаи. — И в конце концов, он действительно прав. Я потерпела неудачу, я позволила маленьким проблемам перерасти в большие и пыталась скрыть то, что продолжалось слишком долго. Возможно, мы все заслужили того, чтобы нас заменили.

Барзано наклонился вперед, поставив стакан перед собой и уперев локти в колени:

— Может быть, но я еще не решил. В конце концов, кого поставить на ваше место? Баллиона Варле? Вендаре Талуна? Тарина Хонана? Я так не думаю, дорогой губернатор. Нет, давайте пока оставим разговор о вашей отставке и сосредоточимся на проблемах более насущных.

— И что это за проблемы? — проворчал Кортео, все еще вне себя от прямоты Барзано.

— У меня есть подозрение, что на этой планете люди сотрудничают с эльдарами, используя их пиратские рейды для прикрытия каких-то своих тайных дел, а противоречия на Павонисе они раздувают с одной-единственной целью: отвлечь внимание от своей главной деятельности, — объяснил Барзано, опершись о стену.

И губернатор, и Кортео лишились дара речи. Мысль о том, что проблемы планеты были организованы намеренно, потрясла их, и они не знали, что на это и ответить.

— Я не верю, что события, которые здесь происходили до моего приезда и продолжают

происходить теперь, не имеют связи. Слишком много совпадений, а я в совпадения не верю.

— Но кто? — в конце концов произнесла Шонаи.

Барзано неопределенно пожал плечами:

— Пока не знаю. Но надеюсь, что скоро нам удастся это выяснить, ибо, боюсь, цепь событий приблизилась уже к критической точке.

— Как следует вас понимать, эксперт?

— А так и понимать, мой дорогой губернатор: все вот-вот взорвется.

В укромном коридоре Имперского дворца в темном воздухе затрепетало мерцающее пятнышко света. Оно раскачивалось, словно крошечный шарик, попавший в легкий, восходящий воздушный поток. Постепенно это пятнышко стало увеличиваться, лениво кружась по спирали и отбрасывая в стороны фиолетовые отблески. Ткань воздуха, казалось, растягивается, как шелковое полотно, которое невидимые глазу силы настойчиво тянут к свету.

Хрустальные подсвечники под потолком внезапно взорвались, когда из уже изрядно увеличившегося светового пятна раздался тихий стон. Даже скорее не стон, а журчащий и дрожащий звук, в котором сплелись и непристойная похоть, и вечная жажда. Вдруг внутри этого загадочного пятна начали формироваться четыре темные точки. Они изгибались, стремительно разрастаясь, подобно раковым опухолям, в сердце света. Эти «опухоли» следовали за извивающимся по спирали световым пятном, и при этом их желеобразные тела постепенно твердели, становясь все отчетливее в общей сияющей массе.

Покрытые пленочной оболочкой быстро твердеющие тела проталкивались сквозь свет, издавая тихий, но от этого не менее омерзительный скрежет. В коридоре Имперского дворца зарождалось что-то темное и страшное.

С мучительным пронзительным визгом ткань реальности прорвалась, и четыре лилово-красных тела шмякнулись о каменный пол, а породившая их светящаяся матка, закрутившись в спираль, исчезла с невероятной скоростью, и коридор вновь погрузился в полумрак.

Четыре поблескивающих тела на протяжении нескольких секунд лежали на полу, содрогаясь в послеродовых конвульсиях, а затем, сбросив с себя оболочки, явили миру длинные изгибающиеся ноги, ядовитые шипы, вздувшиеся стальными мышцами руки и пасти, полные клыков.

Твари синхронно принюхались к воздуху — существование этих монстров было подчинено одному-единственному повелению их владычицы.

Повелению убить жертву.

Солдаты Корнер и Тарнин медленно вышагивали по темному коридору, держа лазганы на изготовку. Здесь внизу определенно что-то было. Корнер услышал какой-то странный подозрительный шум и сообщил на пост охраны, что они отправились посмотреть, что же там такое происходит.

Тарнин первым заметил разбитые светильники и, услышав хруст стекла под ногами, решил взять инициативу на себя.

В нескольких шагах впереди него как будто подрагивала лужица пролитого масла.

Не поворачиваясь, он прошептал:

— Корнер, дай мне свой фонарь, — и протянул за ним руку.

Включив фонарь, он направил его яркий луч вперед, но так и не успел ничего разглядеть — все произошло слишком быстро.

Гибкое тело бросилось на него из темноты и одним движением огромных когтистых лап вспороло тело солдата, словно пуховую подушку. Двадцатисантиметровые когти разорвали надвое его тело, а массивные челюсти сокрушили череп.

Корнер успел лишь заметить кровавые брызги, когти и клыки, раздирающие плоть его товарища. Через секунду пронзительный крик Тарнина резко оборвался. Корнер бросился бежать.

Что- то тяжелое ударило его в спину, сбив солдата с ног. Лазган Корнера отлетел в сторону, а кожу солдата обожгло огненное дыхание. В тот же миг он почувствовал, как когти монстра разрывают его форму на лоскуты и впиваются в тело. Корнер раскрыл рот, чтобы закричать, но порожденная варпом тварь, с легкостью оторвав парню голову, разом проглотила ее. Вонзив когти в спину солдата, она принялась выдирать и заглатывать куски мяса, с хрустом разгрызая человеческие кости.

Второй монстр, распахнув клыкастую пасть, издал угрожающее рычание. Залитое кровью чудище прекратило пиршество и последовало за лидером. И вот все четыре твари бесшумно понеслись по коридорам дворца.

Жертва была близко.

Барзано резко вскинул голову. Опустив на пол ноги, он плавно и грациозно поднялся во весь рост, бросив взгляд на губернатора Шонаи. На его лице отразилась явная обеспокоенность. Метнувшись к двери, он распахнул ее и выскочил в коридор.

При появлении эксперта два Ультрамарина встали по стойке «смирно», прижав к груди болтеры. Повернувшись, брат Клиандер посмотрел на представителя Администратума:

Жертва была близко.

Барзано резко вскинул голову. Опустив на пол ноги, он плавно и грациозно поднялся во весь рост, бросив взгляд на губернатора Шонаи. На его лице отразилась явная обеспокоенность. Метнувшись к двери, он распахнул ее и выскочил в коридор.

При появлении эксперта два Ультрамарина встали по стойке «смирно», прижав к груди болтеры. Повернувшись, брат Клиандер посмотрел на представителя Администратума:

— Брат Барзано, что-то неладно? Барзано торопливо кивнул:

— Боюсь, что очень даже неладно. Где остальные Десантники из вашего отделения?

— На главных входах в это крыло дворца. Здесь муха не пролетит без ведома одного из моих боевых братьев. Мимо них и мышь не проскочит.

— Или сквозь них, — пробормотал себе под нос Барзано.

— Прошу прошения?

— Ничего, брат Клиандер. Мне нужно, чтобы ты связался со всеми, кто находится на постах, и сообщил им: нечто чрезвычайно недружелюбное проникло во дворец. Все мы в серьезной опасности.

Клиандер жестом велел своему собрату выполнить приказ эксперта и снял болтер с предохранителя.

— Что происходит, эксперт?

— Сейчас у меня нет времени объяснять. Просто прикажи всем стражам быть готовыми ко всему и стрелять во все им неизвестное.

Лицо брата Клиандера было скрыто под шлемом, но Барзано почувствовал его гнев. Десантника можно было понять: где это видано, чтобы приказы ему отдавал какой-то чиновник?

— Вы говорите неучтиво… — начал было Клиандер.

— Будь она проклята, учтивость, Клиандер, просто сделай это! — выпалил Барзано, но в этот миг совсем рядом раздался грохот болтерных зарядов. Вскоре все смолкло, но затем последовала еще серия выстрелов, и по коридорам эхом покатился дикий вой. — Слишком поздно, — произнес Барзано.

Три твари неслись по коридорам с устрашающей скоростью, позади них раздавались крики преследователей. Тело четвертого монстра упокоилось на трупах двух Ультрамаринов, медленно превращаясь в зловонную лужу липкой слизи.

Сеть вокруг монстров стягивалась все туже, но они и не думали о том, чтобы выжить.

Значение имела только их жертва.

Рванувшись назад, в свою комнату, Барзано бросился на колени перед длинным сундуком, стоявшим в ногах кровати, и приложил палец к считывающему запорному устройству. Шонаи и Кортео вскочили на ноги. Оба были напуганы поведением эксперта, и он не мог их в этом винить. Все действительно было очень и очень серьезно.

— Что за дьявольщина тут происходит? — спросила Шонаи.

Тем временем крышка сундука поднялась, и Барзано полез рукой внутрь, спросив:

— Помните, вы говорили о горящем фитиле?

— Да, конечно.

— Ну вот, оказывается, он гораздо короче, чем мы думали. В игре снова подняты ставки. Вот, — прервал свои объяснения Барзано, кидая каждому из них по пистолету. — Вы знаете, как этим пользоваться?

— По большому счету нет, — признался Кортео.

— Губернатор?

— Нет. Никогда прежде не стреляла.

— Проклятие! Ну ладно, самое подходящее время научиться. — Он быстро продемонстрировал, как взводить курок и перезаряжать оружие. — Когда будете стрелять, наводите их ниже цели — отдача такова, что они подскакивают, как грокс в жару.

— Но во что стрелять? — запротестовала губернатор. — Что происходит?

Барзано не ответил, а вновь повернулся к сундуку и вытащил из него меч с тонким клинком, украшенным изысканным узором по всей длине. Когда эксперт поднялся на ноги, в другой его руке оказался большой пистолет с рифлеными кольцами на сплюснутом дуле. Вся обычная веселость Барзано испарилась, и ее сменила непреклонная серьезность.

— Наши враги послали по наши души адских тварей, и те не остановятся, пока не убьют нас. Или мы их.

Барзано надавил пальцем на руну на эфесе своего меча, и Шонаи и Кортео отпрянули от эксперта, когда оружие у них на глазах ожило и клинок оплели извивающиеся спиралью кольца янтарного огня.

— Энергетический меч! — в изумлении воскликнул Кортео. — Какой же вы эксперт?

Барзано ухмыльнулся, но в его усмешке не было ничего обнадеживающего.

— Наихудшей разновидности! — заверил он Кортео.

Брат Клиандер слышал отдающиеся эхом от стен ружейные выстрелы, тяжелое рявканье болтеров и треск лазерного огня — к ним что-то приближалось.

Из- за многоголосого раскатистого эха, блуждавшего по извилистым коридорам дворца, было невозможно определить, с какой именно стороны приближается враг, поэтому Клиандер прикрыл одно направление, а брат Дамбрен — другое. Клиандеру отчаянно хотелось рвануться на помощь преследователям, но его долгом было защищать жилище эксперта. Клиандер — гражданин Макрэйджа, и он скорее погибнет, но не нарушит приказ.

Зарокотал болтер брата Дамбрена — враг подоспел. Развернувшись, Клиандер увидел трех несущихся на него монстров. Он с болтером на изготовку присоединился к брату Дамбрену, и первая из мчащихся тварей разлетелась на куски.

Но скорость этих чудищ была бешеной, и, не обращая внимания на участь лидера, два других монстра накинулись на Десантников. Клиандер упал, когда одна из тварей прыгнула на него. Космический Десантник перекатывался по полу, уворачиваясь от когтей и зубов чудовища, не забывая при этом вести непрерывный огонь из болтера, но все его снаряды пролетели мимо врага, отколов большие куски от перекрытий дворца.

Он бросил взгляд в сторону и увидел, как вторая тварь отрывает Дамбрену руку. Из плеча боевого брата брызнул фонтан алой крови. Клиандер не успел прийти на помощь, поскольку первый из монстров вновь набросился на него.

Клиандер прицелился, выстрелил, и болт прошил твари брюхо. Взвыв, чудовище вспрыгнуло Клиандеру на грудь, и они оба — человек и адская тварь — ударились о дверь комнаты

Барзано, разбив ее вдребезги, и рухнули на пол.

Шонаи вскрикнула, когда дверь разлетелась на куски, и в комнату ввалился один из Ультрамаринов, шлем которого бешено скребла когтями тварь, сидящая у него на груди. Длинное тело этого адского создания отливало радужным светом, вдоль всего спинного хребта росли острые красновато-лиловые костяные шипы. Огромная голова чудовища была увенчана рогами, а с клыков капала кровь. На конце каждой из мускулистых конечностей сверкали ужасные зазубренные когти, а глаза твари были непроницаемо-черными, мертвыми и бесчувственными.

Барзано выпрыгнул вперед, нацелившись сверкающим мечом на адское отродье, но чудище с невероятными для такого огромного существа скоростью и проворством резко повела головой вниз, спасшись тем самым от потрескивающего клинка, и спрыгнула с Космического Десантника. Бешено взмахнув когтистой лапой, она едва не распорола Барзано. Когти чудовища просвистели в нескольких миллиметрах от плеча эксперта и вонзились в тяжелый деревянный стол, вырвав из него здоровенный кусок.

Подкатившись к зверюге снизу, Клиандер ухватился могучими руками за ее шею. Тварь ринулась на него, и ее черные когти легко разорвали нагрудную пластину Ультрамарина. Из раны хлынула кровь, и Клиандер зарычал от боли, когда его плоть обожгло прикосновение зверя.

— С дороги! — закричал Барзано, прицелившись в тварь из плазменного пистолета.

Клиандер, не обращая внимания на эксперта, с ревом давил на шею монстра, который раздирал его доспехи клыками и когтями. В дверном проеме показалась вторая тварь, с челюстей которой капала кровь, и Барзано обернулся к этому монстру.

Огненно-белый заряд плазмы ударил в бок чудовищу, отбросив его назад. Из раны фонтаном брызнул омерзительный гной, и тварь свалилась на пол. Ткани ее тела стали разлагаться прямо на глазах.

Клиандер боролся с последним оставшимся в живых чудовищем, тщетно пытаясь удержаться на расстоянии от его когтей, понимая, что в этом сражении ему не победить. Адская тварь была сильнее его. Челюсти клацнули в миллиметре от лица Клиандера, и голова Ультрамарина откинулась назад, ударившись о каменный пол. Хватка его рук на шее чудища на секунду ослабла.

Казалось, монстр только этого и ждал. Он взвился на дыбы, воздев смертоносные когти под самый потолок комнаты, но тут же стремительно опустился, пробив силовой доспех и разорвав грудную клетку Клиандера.

Кортео и Шонаи одновременно выстрелили в раненого зверя, но оба они были теми еще стрелками, и их выстрелы прошли мимо.

Барзано оттолкнул обоих назад в тот самый миг, когда убийца Клиандера извлек когти из мертвого тела Ультрамарина и направился к эксперту. Движения зверя были уже не столь уверенными, но его сил все еще хватало, чтобы перебить в комнате всех оставшихся в живых. Плазменный пистолет жужжал, перезаряжаясь, и эксперт понял, что сейчас от него мало проку.

С ревом поднявшись на задние ноги, монстр бросился на Арио Барзано.

Эксперт пригнулся и нырнул вперед, прямо под смертоносные когти чудовища. Перекатившись и встав на колени, он взмахнул энергетическим мечом.

Клинок, объятый энергией, отсек твари задние ноги, и та рухнула, в ярости молотя по полу обугленными обрубками бедер.

Вскочив на ноги, Барзано встал рядом с губернатором Шонаи и Лиландом Кортео. Монстр, извиваясь всем своим отвратительным туловищем, полз к ним, всаживая в пол когти передних лап, а его тело таяло, оставляя за собой дымящийся шлейф тьмы.

От чудовища оставались только быстро растворяющиеся туловище и голова, когда эксперт сделал резкий шаг вперед и, перехватив рукоятку меча, вонзил клинок в темя адского создания.

Когда в комнату вбежал во главе своего отделения сержант Леаркус, Барзано устало оседал на пол рядом с исчезающими останками монстра.

Сержант опустился на колени возле бездыханного тела Клиандера и в ярости сжал кулаки. Оставив его наедине с горем, Барзано повернулся к Лиланду Кортео и Миколе Шонаи, лицо которой было мертвенно-бледным. Швырнув пистолет на кровать, он выключил энергетический меч, положив его на разбитый, покосившийся стол.

— Вы убили его, — выдохнула Шонаи. — Как вы это сделали?

— Я вам лучше покажу, — ответил Барзано, отводя в сторону портрет Форлануса Шонаи, в стене за которым находился сейф.

Набрав десятизначный код, он распахнул дверцу.

Внутри сейфа была коробка, которую эксперт вытащил и поставил на пол рядом с собой.

Вновь забравшись в сейф, он извлек из него небольшой предмет и протянул его Шонаи, которая приняла его из рук Барзано с выражением страха и удивления.

Микола Шонаи держала в руке сапфировый кристалл прямоугольной формы, не более пятнадцати сантиметров в длину и восьми в ширину и толщиной менее пяти сантиметров. В общем, вещь эта была бы ничем не примечательной, если бы не заключенная в ней эмблема: ухмыляющийся череп со стилизованной литерой «И».

Губернатор Шонаи взглянула в лицо человека, которого словно впервые увидела.

— Арио Барзано, — представился он, — из Ордена Священной Императорской Инквизиции.

14

Ровно в семь утра на следующий день после демонстрации Объединения Рабочих на площади Освобождения танки Казарм Харона планетарных сил самообороны, выехав из ворот базы, покатили по шоссе 236 к Вратам Брэндона. Уже через двадцать пять минут колонна из сорока танков «Леман Русс» местного производства, украшенных изображениями артиллерийского снаряда — эмблемой картеля Талун, — оказалась на окраине города и загрохотала к центру столицы и губернаторскому дворцу.

Из динамиков, укрепленных на каждом из танков, во все стороны разносилось обращение к населению. Дескать, целью этого, с позволения сказать, маневра является поддержание спокойствия, так что нет никаких причин для паники. Громкоговорители не замолкали ни на секунду, но жители Врат Брэндона все-таки с тревогой поглядывали из своих окон на громыхающую мимо их домов танковую колонну: никто уже не знал, чего можно ждать от властей предержащих и чем все это может закончиться. Беспрепятственно миновав жилые и промышленные пригороды, танки наконец остановились перед мраморными стенами внутреннего города.

Не прошло и часа после появления на улицах города танков Талуна, как из других казарм ПСС, финансируемых союзными с ним картелями, тоже вышли бронемашины. Танки с изображением шлема на борту — эмблемой картеля де Валтос — покинули базу в Тармиган Ридж, а бронетранспортеры с баз, субсидируемых шестью другими картелями, приняв на борт пехоту, тоже направились во Врата Брэндона.

Таким образом, в общей сложности сто девятнадцать танков и свыше семи тысяч пехотинцев к полудню разместились вокруг города. Громкоговорители на танках умолкли, зато на всех радиочастотах зазвучало сообщение о намерениях ПСС взять на себя ответственность за поддержание спокойствия в городе, ибо губернатор, очевидно, больше этого делать не в состоянии. Однако, из уважения к должности Миколы Шонаи, ни один танк не войдет в ее город до того момента, пока их боевая мощь действительно не понадобится. Горожане, у многих из которых от всего пережитого начали сдавать нервы, всерьез призадумались над тем, что бы все это могло значить.

Несмотря на неоднократные требования Миколы Шонаи, ни одно из мобилизованных подразделений ПСС не покинуло пределов города, и столица Павониса фактически оказалась на осадном положении.

Войдя в комнаты Арио Барзано через то, что когда-то было дверями, Уриэль поразился, во что превратили эти еще совсем недавно роскошные помещения монстры из ада. «Громовой Ястреб» приземлился менее часа назад, и капитан Вентрис пребывал в сумрачном расположении духа — окаменевшее лицо Леаркуса, когда тот докладывал ему о смерти Клиандера и трех других боевых братьев, все еще стояло перед мысленным взором Уриэля.

Сержант Пазаниус вошел следом за капитаном, и обоим Ультрамаринам, проходя под вдребезги разбитым дверным косяком, пришлось наклонить головы. Уриэль шел налегке, а огромный сержант держал в руках стазис-емкость с фрагментами неизвестного металла с холма на Каэрнусе IV.

Несмотря на то что апотекарий Селенус, работая над ранами Уриэля, приложил все свои знания и силы, любые, даже самые незначительные движения все еще были болезненны для Вентриса — раны, которые нанес ему топор предводителя эльдаров, и укусы омерзительных экскрентов давали о себе знать. Но капитан Ультрамаринов выжил, и его сердце жаждало мести. Ухмыляющийся воин с мертвым лицом все не шел у него из головы.

Барзано стоял спиной к Уриэлю, возложив руки на старую шкатулку, стоящую на покосившемся столе. Эксперт что-то тихо говорил губернатору Шонаи и Лиланду Кортео. Лортуэн Перджед сидел на краю кровати, а Дженна Шарбен и сержант Леаркус неподвижно стояли у окна. В одной руке сержант держал болтер, в другой — цепной меч.

Барзано обернулся на звук шагов Уриэля, и капитан Четвертого подразделения впервые после долгой разлуки увидел лицо эксперта. Уриэль был буквально потрясен переменой, происшедшей с этим человеком. Леаркус уже успел сообщить Уриэлю, кем в действительности является Барзано. Капитан только усмехнулся, узнав, что Арио Барзано вовсе никакой не эксперт, — он и раньше-то в этом сомневался.

Но, увидев Барзано сейчас, Уриэль не усомнился в том, что перед ним инквизитор. Тот больше не сутулился, пытаясь походить на типичного чиновника Администратума. Сейчас Барзано был одет в свободную тунику и высокие, по колено, сапоги, на его поясе висели меч и пистолет, а осанка инквизитора была безупречна, если не сказать горделива или даже надменна. Шагнув Уриэлю навстречу, Барзано взял его за руку, положив вторую капитану на плечо. В глазах инквизитора светилась непреклонная решимость.

— Капитан Вентрис, я молюсь за ваших благородных павших братьев. Они пали достойно.

Уриэль выразил признательность, молча наклонив голову. Микола Шонаи сделала несколько шагов и встала рядом с инквизитором:

— Рада видеть вас, капитан. Я также молюсь о ваших павших братьях и надеюсь, что больше никто не умрет, защищая нашу планету.

— Как того пожелает Император, — ответил Уриэль, жестом приглашая Пазаниуса пройти вперед. Сержант поставил стазис-емкость рядом со шкатулкой.

— Итак, что вы принесли мне, Уриэль? Что-то с корабля эльдаров?

— Нет, с одного из миров, на который недавно напали пираты.

— Что это? — спросил Барзано, деактивировав стазис-замок емкости, доставленной Ультрамаринами с Каэрнуса IV.

— Мы рассчитываем, что как раз вы сможете ответить на этот вопрос. Это вещество со склона холма, почти целиком состоявшего из металла. Как говорили местные жители… То есть один из жителей, единственный уцелевший после налета, когда-то этот металл их кузнецы использовали для изготовления мечей и плугов. Так продолжалось на протяжении многих поколений, все изделия из этого металла не старились — он каким-то чудесным образом самовосстанавливался.

Когда Барзано запустил в емкость руку и извлек кусок слегка поблескивающего металла, лицо его побледнело. Широко раскрыв глаза, он провел кончиками пальцев по угловатым знакам, высеченным на куске металла.

На глазах Уриэля последние сверкающие серебристые нити в толще металла обрели красноватый цвет ржавчины и его блеск исчез совершенно. Осторожно, почти благоговейно Барзано положил металл на стол, поднял глаза и встретился взглядом с Уриэлем:

— Вы сказали, что на той планете был один уцелевший? Я полагаю, что сейчас он на борту крейсера и ожидает разговора?

— Увы, нет. Он был смертельно ранен. Капеллан Клозель отпел его, и мы похоронили его в родной земле.

Видно было, что Барзано усилием воли заставил себя сдержать возмущение. Еще бы: такой ценный источник информации был безвозвратно утрачен! Тем не менее инквизитор не сказал ничего и лишь понимающе кивнул.

— Очень хорошо, — выдавил он наконец, глядя на запертую шкатулку, на которой теперь лежала его ладонь, — лучше просто не бывает…

— И? — напомнил о своем присутствии Ури-эль, рукой показывая на мертвый металл. — Что же это?

Выпрямившись во весь рост, Барзано произнес:

— Это, мой дорогой капитан, фрагмент космического корабля, которому более ста миллионов лет. А также причина нашего пребывания на Павонисе.

— Сто миллионов лет?! — удивился Лиланд Кор-тео. — Это невозможно! Человечество вышло к звездам менее пятидесяти тысяч лет назад.

— Я не сказал, что это был человеческий корабль! — резко оборвал его Барзано.

— И это как-то связано с бедами Павониса? — спросила в свою очередь Микола Шонаи.

— Боюсь, что так. Помните, я говорил о более глубокой причине, которая, как я полагал, стоит за вашими неурядицами? Эта причина теперь перед вами. Кто-то на этой планете пытается отыскать местонахождение остальных частей этого корабля.

— Зачем кому-то понадобились эти обломки? Что они могут дать?

— Власть, — ответил Барзано просто. Он произнес это слово совершенно спокойным голосом, так, будто речь шла не о жизни человечества, а о стакане ускавара.

— Тогда, если вы знаете, где эта штуковина находится, сообщите мне, и крейсер уничтожит его за несколько секунд! — воскликнул капитан Ультрамаринов.

— Ах, милый мой Уриэль! Если бы это было так просто. Эта штуковина, как вы ее назвали, не существует в реальности, как мы ее понимаем. Эта штуковина движется в безвременье, появляясь то в нашем, то в нематериальном мире. И это может длиться вечно.

— Почему тогда вы так боитесь этой штуки?

Барзано, подняв ладонь со шкатулки, приложил большой палец к геноключу и подождал, давая возможность духу, оберегающему шкатулку, опознать владельца.

Затем он набрал тринадцатизначный код, произнес секретное слово-пароль, шкатулка распахнулась, и инквизитор извлек из нее тяжелую книгу в железном переплете, запертую на тринадцать маленьких висячих золотых замков. Сами по себе замочки казались хрупкими, но каждый из них был защищен гексаграммой, обладающей огромной силой.

Барзано, что-то нашептывая себе под нос, по очереди прикоснулся к каждому из замков, словно упрашивая их разрешить доступ к драгоценному фолианту. Замки, словно понимая, о чем их просят, один за другим открылись, и Барзано выпрямился, когда, поскрипывая, книга медленно раскрылась без всякой посторонней помощи.

Уриэль шумно втянул в себя воздух, все же остальные в страхе отступили назад. Барзано тоже сделал глубокий вдох и закрыл глаза, а Уриэль испытал какое-то странное чувство, словно через его тело вдруг пропустили сильный электрический заряд. Книга вздымалась в такт дыханию Барзано, и рука Уриэля невольно потянулась к пистолету. Колдовство!

Барзано жестом приказал Уриэлю не двигаться и покачал головой:

— Нет, капитан. Я прошу духа, находящегося в книге, поделиться с нами частью заключенных в ней знаний.

— Духа, находящегося в книге? — прошептал Уриэль.

— Да. Надеюсь, вы слышали выражение «знание — сила», не так ли? Надеюсь, вы не думали, что это лишь пустые слова? Знание действительно обладает силой.

Видя, как книга пульсирует, словно бьющееся сердце, Уриэль одними губами произнес слова защитной молитвы. Внезапно он осознал, что существует один-единственный способ, которым Барзано мог, как он выразился, упрашивать духа книги.

— Вы псайкер?

— В некотором роде, — признался Барзано. Слова давались ему с трудом, брови инквизитора сошлись у переносицы. — Я обладаю эмпатическими способностями — могу улавливать сильные чувства и эмоции.

При словах Барзано книга внезапно словно разбухла, и ее страницы зашелестели, будто их вдруг коснулось дуновение ветра, а еще через секунду они замелькали так быстро, что человеческий глаз был не в силах уловить их движение. А еще через несколько секунд книга неожиданно успокоилась, ее пожелтевшие от времени страницы неподвижно застыли.

Расслабившись, Барзано открыл глаза, Уриэль заметил на его лбу капли пота. Из носа инквизитора потекла тоненькая струйка крови, но он быстро вытер ее платком и склонился над страницами, раскрывшимися перед ним.

Уриэль, Пазаниус, Шонаи и Кортео нерешительно приблизились к столу.

Поначалу Уриэль не мог понять, что он видит перед собой: страницы были исчерканы какой-то безумной рукой, сотни слов наезжали друг на друга, закручиваясь в замысловатые узлы и пересекаясь под самыми разными углами.

— Что это? — выдавила Шонаи.

— Это — кое-что из написанного еретиком Кортесвейном.

— А кто это?

— Кортесвейн принадлежал к Адептус Механи-кус. Он странствовал по галактике, побывав на археологических раскопках во многих мирах. Искал работающие системы СНК. В итоге сошел с ума.

Уриэль знал о непрестанных поисках систем Стандартного Набора Конструкций, которые вели Адептус Механикус. Вся имперская технология своими корнями уходила к нескольким драгоценным фрагментам систем СНК, которые оставались в руках Адептус Механикус. Даже самые туманные слухи о существовании СНК побуждали целые флоты разведчиков отправляться на поиски этого бесценного сокровища.

После короткой паузы Барзано продолжил:

— Кортесвейн оказался единственным уцелевшим после экспедиции, отправившейся на мертвую планету, название которой давно утрачено. Целью экспедиции был СНК. Кто-то или что-то тогда напало на Кортесвейна и его людей, сам он позже утверждал, что его забросило в мир, находившийся за пределами этой галактики. Существо, похитившее техножреца, обладало невообразимым могуществом, и Кортесвейн назвал его богом.

— Богом? — прошептала Шонаи.

— Да, богом. Он заявлял, что видел подлинное лицо Бога-Машины. Не приходится и говорить, что все эти речи не добавили ему популярности в определенных кругах Адептус Механикус, которые обвинили техножреца в богохульстве. Это породило раскол в их рядах, последствия которого Адептус Механикус ощущает до сих пор. Не прошло и года после той злосчастной экспедиции, как Кортесвейн исчез с Селетота, где проповедовал свое вероучение.

— Что с ним случилось? — спросил Уриэль.

Барзано пожал плечами:

— Не знаю. Вероятно, его противники похитили или убили его. Но кое-что из написанного им уцелело. Немного — лишь то, что удалось вывезти его приверженцам.

— Что же это значит? Я почти ничего не могу разобрать, — сказала Шонаи, надевая очки.

— На этих страницах Кортесвейн пишет о судне, которое, по его словам, он видел, — объяснил Барзано, указывая на едва различимые каракули в углу страницы.

Пальцы инквизитора прошлись по очертаниям полумесяца с криво нарисованной пирамидой посредине.

Уриэль прищурился, стараясь прочесть слова, нацарапанные на пергаменте под рисунком. Одни и те же слова повторялись многократно, они были написаны под разными углами,

перекрывая друг друга и сплетаясь в немыслимые фигуры.

Ультрамарин обратил взгляд к наиболее разборчивой части текста, смахивающей на паутину, и, медленно сложив слова в одно предложение, потом второе и третье, беззвучно, одними губами произнес их.

В конце концов он понял значение этих каракуль, и у него зашевелились волосы на затылке, когда он осознал, что уже слышал их прежде — с обожженных губ человека, находившегося на грани смерти.

Несущий Ночь.

Барзано бросил на Уриэля острый, как меч, взгляд, и это напомнило Ультрамарину, что инквизитор обладал способностью улавливать чужие чувства.

— Уриэль, — медленно произнес Барзано, — эти слова вам о чем-нибудь говорят?

Уриэль кивнул:

— Да. Уцелевший на Каэрнусе IV человек по имени Гедрик сказал их мне за несколько мгновений перед смертью.

— Что он сказал? Быстро! — прошептал Барзано, и шепот его, словно огонь, обжег всех находившихся в комнате.

— Он сказал, что Смерть Миров и Несущий Ночь ожидают рождения в галактике и что решение будет за мной — который из них, или оба, войдут в наш мир. Вы понимаете, что он имел в виду?

— Нет, — ответил Барзано, пожалуй слишком быстро, чтобы Уриэль поверил в откровенность инквизитора, — не понимаю. Что еще он сказал?

— Ничего. Вскоре после этого он умер, — признался Уриэль и указал на рисунок полумесяца в книге. — Итак, Несущий Ночь — это корабль иной цивилизации. На что он способен?

— Он способен на многое: он может уничтожать звезды, лишать их энергии, не оставляя ничего живого в звездной системе. Теперь вы понимаете?

Уриэль кивнул:

— Тогда мы должны найти его раньше, чем эль-дары.

— Согласен. Мы также должны выяснить, с кем они сотрудничают здесь, на Павонисе, — добавил Барзано, расхаживая по комнате со сцепленными за спиной руками.

— Предводитель эльдаров в пылу сражения произнес имя, возможно, это и есть имя его сообщника.

При этих словах капитана Барзано застыл на месте и повернулся к Уриэлю с выражением недоверия на лице.

— Он упомянул имя? — прошептал Барзано. — Какое? Быстро!

— Я не уверен, что это имя. Это было одно из их отвратительных чуждых слов, оно звучало как ка… карзак, или что-то в этом роде.

Нахмурившись, Барзано бросил взгляд на Шонаи:

— Это имя для вас что-нибудь значит? Не один ли это из здешних картелей?

— Нет. Если б это было так, я бы знала.

— Капитан Вентрис, — произнес вдруг молчавший все это время Лортуэн Перджед, — а не могло ли слово, которое вы услышали, звучать как кайерзак?

Уриэль закрыл глаза, вспоминая воина с лицом мертвеца в мельчайших подробностях и стараясь припомнить звуки, которые тот проскрежетал.

— Да, эксперт Перджед. Полагаю, что это именно оно.

Бросившись к своему помощнику, Барзано опустился перед ним на колени и крепко обхватил за плечи. Лицо инквизитора горело от возбуждения.

— Лортуэн, ты знаешь, что означает это слово? Это имя?

Перджед покачал головой:

— Это не имя, скорее обращение. Оно, конечно, эльдарского происхождения и используется для обозначения того, кого следует чтить.

Барзано разжал руки, сжимавшие плечи Перджеда, и поднялся, совершенно сбитый с толку.

— Хоть это и полезная информация, но она не приближает нас к разгадке. Мы не знаем, с кем работают эльдары.

— Напротив, Арио, мы знаем достаточно. Теперь я с почти полной уверенностью готов назвать имя того, кого мы ищем.

— Да? Объясни, Лортуэн. У нас нет времени на долгие разговоры, поэтому говори безо всех своих длинных предисловий.

— Слово кайерзак дословно означает «почитаемый», но в своих работах Ласко Пайр рассказывает о том, как палачи темных эльдаров, существа, которых он называл гомункулусами, говорили ему, что он должен высоко ценить честь, которой удостоен: его телу причинена самая совершенная боль, какую они только могут себе вообразить.

Уриэль и Барзано постепенно начали понимать, к чему клонит Перджед, а тот тем временем продолжил:

— Видите ли, темные эльдары извратили это слово, используя его для обозначения тех, кому была оказана честь опробовать на себе их искусство пыток.

Сжав кулаки, Шонаи первой произнесла имя:

— Казимир де Валтос.

Организованный в укрепленном бункере восточного крыла дворца командный пункт орбитальной обороны занимался слежением за воздушным и космическим пространством вокруг Павониса. Этот командный пункт был полностью автономным — с резервными источниками энергии и независимой подстанцией. Все это давало возможность защищать Павонис без подключения к внешним сетям на протяжении целого года.

Второй техник Лютрисия Виджеон следила за приборами пульта контроля, осматривая пространство вокруг Павониса — нет ли нарушителей.

Ее командир, Даниил Воренс, расположился за командной консолью спиной к ней и был всецело поглощен показаниями приборов.

Заметив слабый сигнал на экране одного из локаторов, Лютрисия записала время его появления в вахтенный журнал. Должно быть, это корабль, он слишком велик, чтобы быть чем-нибудь другим. Лютрисия проверила график полетов, приколотый рядом с дисплеем, — ожидалось ли в секторе прохождение какого-либо космического судна. В графике об этом ничего не сообщалось, и Виджеон нажала несколько клавиш, сделав изображение на дисплее более четким.

Ничего похожего она раньше не видела: изящный длинный клиновидный нос и нечто смахивающее на высокие паруса. Что за дьявольщина?

Изображение корабля величественно проплывало по дисплею, очертания его были нечеткими, и Лютрисия попыталась зафиксировать его форму. В конце концов объект попал в фокус, и тут на плечо девушки опустилась тяжелая рука. Лютрисия вздрогнула от неожиданности, обернулась и увидела мрачный взгляд Даниила Воренса.

— Сэр, я заметила этот сигнал в… — начала было она.

— Я знаю об этом, Виджеон. Все должным образом было внесено в журнал. Я лично разрешил этот полет, — сказал Воренс, выключая ее дисплей.

— Да, я понимаю. Но не следует ли отразить это в ежедневном рапорте?

— Нет, Виджеон! — прошипел Воренс, наклоняясь к уху девушки и до боли стискивая ее плечо. — Этого корабля здесь не было, и ты не видела его на своем дисплее. Поняла?

Виджеон ничего не поняла, но не собиралась говорить об этом Воренсу.

Какая ей разница?

Кивнув, она вновь включила свой дисплей и перешла к обозрению другого сектора пространства.

Очевидно, Воренс ожидал этот корабль.

«Громовой Ястреб» с Ультрамаринами приземлился в сельском поместье Казимира де Валтоса у подножия Оусен Хиллз, почти в семидесяти пяти километрах к западу от Врат Брэндона.

— Всем на выход! — скомандовал Уриэль, первым выпрыгивая из брюха шаттла с болтером на изготовку.

В свете низкого вечернего солнца поместье де Валтоса выглядело очень красиво. Прямо перед Космическими Десантниками стоял огромный дом с множеством пристроек и флигелей, перед его парадным подъездом ожидали пассажиров две черные кареты. Ультрамарины выстроились в три шеренги, а шаттл тем временем, опалив землю столбом пламени, с воем взмыл в небо.

Уриэль жестами направил отделение Дардино налево, а Венасуса — направо, а сам повел отделение Пазаниуса к главному входу.

Парадная дверь была открыта, и Уриэль вихрем влетел в вестибюль с полом в шашечку. Последовавших его примеру Ультрамаринов капитан направлял резкими взмахами кулака. Показав таким образом, что Пазаниус и двое других Десантников должны следовать за ним, он бросился вверх по лестнице, его болтер хищно ходил из стороны в сторону в поисках цели.

Верхняя площадка лестницы оказалась пуста, и длинный, устланный ковром коридор тянулся от нее влево и вправо.

Коридор, ведущий направо, через несколько метров поворачивал на девяносто градусов, а противоположный ему упирался в тяжелую дубовую дверь. Что-то говорило Уриэлю, что этот дом покинут, но его многолетний опыт старого солдата не позволял капитану воспринимать все предчувствия иначе как призыв к максимальной концентрации сил, внимания и воли.

Уриэль и Пазаниус со всеми предосторожностями пошли по коридору, ни на секунду не сводя болтеров с двери. Генетически усиленные чувства капитана не могли уловить в комнате за дверями никаких признаков движения. Единственное, что заставляло почуять неладное, был запах. Слабый, почти неощутимый, но он беспокоил Уриэля.

Выбив дверь из косяков одним мощным ударом, капитан Ультрамаринов, пригнувшись, влетел в комнату, Пазаниус — за ним, поводя болтерами из угла в угол. Приняв во внимание размеры этого здания, сержант на этот раз решил воспользоваться болте-ром, предпочтя его любимому огнемету. Позади себя Уриэль слышал, как Ультрамарины сносят двери и обыскивают комнату за комнатой.

Зловоние, которое ударило Уриэлю в нос прямо с порога, поразило его, но то, что он увидел на кровати в углу комнаты, заставило его покачнуться.

Некогда это было человеческим существом, но почти все признаки его принадлежности к людскому роду были содраны со скелета лезвиями, пилами, иглами и пламенем. Золотой ореол волос обрамлял голову трупа, а лицо являло собой жуткую маску смерти. Глаза были вырезаны из глазниц окровавленными осколками разбитого зеркала, которые теперь хрустели под ногами.

При виде всего этого Уриэль преисполнился ярости:

— О Жиллиман!

Пазаниус опустил свой болтер, также ошеломленный ужасным видом мертвой женщины.

— Именем Императора, кто мог сотворить такое?!

У Вентриса не было ответа.

Несмотря на то что от женщины практически ничего не осталось, Уриэль Вентрис опознал останки Соланы Верген и мысленно вписал ее имя в список тех людей, за которых он будет мстить Казимиру де Валтосу. Жестоко мстить.

Сержант Венасус осторожно вел свое отделение по нижнему этажу дома предателя. Здесь было значительно холоднее, чем на улице. Имплантаты сержанта зафиксировали падение температуры на четырнадцать градусов.

До сих пор людям Венасуса никого не удалось обнаружить, но сержант не терял надежду отыскать в ближайшее время хоть кого-нибудь из врагов. Трое его людей погибло на корабле чужаков, и за их смерть должно быть заплачено кровью.

Каменный коридор привел Ультрамаринов к железной двери, запертой на висячий замок, и Венасус, не теряя времени, выбил ее ударом ноги. Сержант влетел в помещение, его люди последовали за ним. Комната была погружена во тьму, но для зрения Ультрамарина то был всего лишь полумрак.

Слева от себя он заметил блеск металла. В тот же миг из темноты на сержанта прыгнул ухмыляющийся череп. Развернув болтер в его сторону, Венасус открыл огонь.

Уриэль услышал с верхней площадки грохот стрельбы и не раздумывая помчался вниз по лестнице. Кровь закипела в его жилах в предвкушении встречи с врагами, которой он в этот момент жаждал больше всего на свете, — сердце и разум Уриэля желали немедленной мести.

Добравшись до того места, откуда несколько секунд назад доносились звуки пальбы, он увидел, что сейчас ему не удастся никому отомстить. Коридор был пуст, а стены его поблескивали капельками влаги.

Сержант Венасус стоял в дверном проеме, ведущем в темную комнату.

— Кто стрелял? — задал вопрос Уриэль.

— Ложная тревога, капитан. Я вошел первым и, увидев нечто, принял это за цель и открыл огонь. Но я ошибся.

— Назначь себе десять дней поста и молитвы, чтобы впредь тебе ничего не казалось. И стрелять надо метко.

— Есть, капитан.

— Так во что же ты стрелял, сержант? Венасус помолчал, подбирая слова:

— Я не уверен, но это было что-то вроде металлического скелета. Не знаю, что это такое.

Сержант отошел в сторону, пропуская Уриэля и Пазаниуса в комнату. Единственный светильник робко мигнул и залил своими слабыми лучами это маленькое помещение, отдаленно смахивавшее на мастерскую какого-то безумного механика. Выкрашенные в черный цвет колченогие скамейки были завалены всевозможными инструментами, о назначении которых можно было только догадываться. В одном из углов комнаты лежали разбитые останки того, во что стрелял сержант Венасус. Как он и сказал, это нечто напоминало металлический скелет, его некогда блестящая поверхность была покрыта пятнами зеленой патины, а конечности вывернуты под неестественными углами.

Другой скелет из такого же металла лежал, прислоненный к скамейке, пучки проводов тянулись из ребер на его груди к рядам желтых батарей с красными трафаретными надписями. Панели на, если так можно выразиться, теле и голове скелета были подняты, и Уриэль заглянул во мрак его нелепой анатомии. То, что было головой этого металлического чучела, напоминало череп — в нем мертвенно зияли глазные впадины, а рот перекосила беззубая ухмылка, но даже в самой конструкции этого монстра было что-то жутко чуждое, словно его создатель соорудил это только ради того, чтобы поглумиться над совершенством человеческого тела.

Металлическое тело вызвало у Уриэля отвращение, хотя он и не смог бы объяснить почему. Возможно, дело было в отталкивающей враждебности, которая исходила от его лишенных какого бы то ни было человеческого выражения черт. Может быть, в сходстве металла, из которого был сделан монстр, с металлом, обнаруженным Ультрамаринами на Каэрнусе IV.

— Во имя всего святого, что же это такое? — спросил Пазаниус, стоя за спиной Уриэля.

Капитан покачал головой:

— Не имею ни малейшего понятия, друг мой. Может, это была команда того корабля, о котором говорил Барзано.

Пазаниус жестом указал на скелет на скамейке:

— Думаешь, он мертв?

Подойдя к металлическому монстру, Уриэль рывком выдернул провода из груди и черепа скелета. — Теперь — да, — с уверенностью сказал он.

Когда Уриэль приближался к последней двери, индикаторы в визоре шлема показывали постепенное падение температуры, и, когда Ультрамарин вплотную приблизился к ржавому дверному проему, его охватило дурное предчувствие.

Дверь не была заперта, узкая полоска мерцающего света окаймляла раму. Из-за двери вырывались в коридор тонкие-тонкие струйки конденсирующегося воздуха.

Уриэль Вентрис оглянулся. Пазаниус, Венасус и шестеро Ультрамаринов стояли в готовности взять комнату приступом по первой его команде. Остальные Ультрамарины перерывали дом сверху донизу в поисках хоть чего-нибудь, что могло бы указать на место нынешнего пребывания Казимира де Валтоса.

Кивнув Пазаниусу, Уриэль нанес мощный удар ботинком по двери. Она с грохотом упала внутрь, Пазаниус ворвался в комнату, а следом за ним Венасус. Уриэль влетел третьим, прикрывая опасную для первых двоих зону, а за ним — и остальные Десантники.

Вентрис первым услышал позвякивание цепей и тихие стоны, доносящиеся из центра комнаты. Усовершенствованную систему восприятия Космодесантника раздражал постоянно мигающий свет, и Уриэль активировал освещение, вмонтированное в доспехи. Остальные Ультрамарины последовали его примеру, и их взору предстало кошмарное зрелище.

В центре комнаты, представляющей в плане восьмиугольник, на залитом спекшейся кровью столе лежал большой человеческий скелет, а то, что прежде покрывало его, висело над ним.

Куски срезанной плоти свисали с потолка на десятках мясницких крюков, каждый из которых был тщательно вывешен так, что плоть, висящая на них, повторяла очертания тела, которым некогда являлась. Словно замороженные в стазис-поле через миллисекунду после того, как его тело испытало какой-то внутренний взрыв, плоть и органы Тарина Хонана парили над его скелетом, связанные друг с другом влажными сухожилиями и пульсирующими кровеносными сосудами.

— О душа Императора! — прошептал Уриэль, объятый беспредельным ужасом.

Голова Хонана являла собой расчлененную на мелкие кусочки плоть. И что самое страшное — плоть живую. Уриэль видел, как трясутся обвислые щеки Хонана, как подрагивает его заплывший жиром мозг, над которым поднимается легкий пар. Все это было расчленено на мельчайшие части, но части все еще живого человеческого тела!..

Капитан Вентрис видел, как глазные яблоки Хонана вращаются в стальных зажимах, словно в глазницах, и видят последние мучительные мгновения своей жизни. Вентрис в ужасе отвернулся от этого зрелища и мысленно препроводил измученную душу Тарина Хонана к Императору.

Два куска жирной плоти, некогда бывшие губами Хонана, беззвучно двигались вверх и вниз, словно марионетки в жутком анатомическом театре, подвластные мановениям пальцев невидимого кукловода. Медленно вращающийся кусок мяса, в котором находились лишенные век глаза, задрожал, и пораженный Уриэль увидел, как они уставились на него, и с губ Тарина Хонана вновь слетел тихий стон.

По мертвенно-бледным щекам Хонана катились кровавые слезы, а его гортань — невероятно! — сотряс слабый страдальческий стон, отозвавшийся болью в сердцах Ультрамаринов. Уриэлю хотелось помочь несчастному, но он понимал, что спасти его он не в силах, это не сможет сделать ни один врач. В глазах Хонана застыла жуткая, отчаянная мольба, а его губы продолжали кривиться в героической попытке заговорить.

Уриэль приблизился к разобранному, словно детский конструктор, человеку, силясь скрыть свой ужас перед этим изуверством.

— Что ты пытаешься сказать? — прошептал он, не уверенный в том, что эта мозаика из кусков плоти может слышать, не говоря уж о том, чтобы понимать его.

Звуки, издаваемые Хонаном, сложились в два слова, и Уриэль понял, чего хочет от него этот человек.

— Убей меня…

Кивнув, Уриэль поднял болтер, наведя его на голову Тарина Хонана. Губы Хонана еще шевелились в попытке составить какие-то слова, но вскоре их движения прекратились и Тарин Хонан закрыл глаза. На этот раз навсегда.

Прошептав молитву по мученику, капитан Вентрис нажал на спусковой крючок. Болтерный огонь подарил наконец забвение изувеченному главе картеля.

Душившая Уриэля ярость выплеснулась наружу. Он стрелял из своего болтера, не переставая, очередями, и этот яростный огонь согревал его душу, которая соприкоснулась с воистину леденящим ужасом. Остальные Ультрамарины последовали его примеру, опустошая свои магазины в урагане огня, искромсавшего восьмиугольную комнату, испещрившего стены огромными дырами, снесшего стойки с орудиями пытки и полностью уничтожившего все следы преступления против человечности. И несчастной, глупой жертвы безумных планов Казимира де Валтоса. Ультрамарины верили — последней жертвы.

Когда дым пальбы рассеялся, когда Уриэль почувствовал, что вновь способен дышать нормально, только тогда он опустил оружие. Беззвучное прощание Хонана эхом отдавалось в его душе: «Благодарю тебя».

Что с того, что на этот раз ублюдок улизнул?

Не важно. Рано или поздно они настигнут его.

— Сообщите инквизитору Барзано о том, что здесь произошло, и скажите, что мы возвращаемся во дворец, — отдал приказ капитан Вентрис. Резко развернувшись на каблуках, он вышел из растерзанной сотнями выстрелов комнаты.

Казимир де Валтос откинулся на кожаном сиденье своего наземного авто. Машина отличалась необычным для Павониса дизайном, но, поскольку наступило время перемен, именно такой дизайн сейчас был более всего уместен.

Де Валтос вновь вспомнил беспомощное лицо Со-ланы Верген, когда он показывал ей содержимое своего черного кожаного чемоданчика. Он наслаждался каждым воплем и каждым жалобным всхлипыванием этой девушки, он млел от восторга, когда она умоляла сохранить ей жизнь, не осознавая, что подписала себе смертный приговор еще тогда, когда приняла его приглашение на обед. Де Валтос сожалел лишь, что у неге не было возможности до конца пронаблюдать, как Хирург работает над жирным Хонаном.

Да, Солана Берген была самим совершенством. Ее смерть на некоторое время удержит демонов, которые не давали Казимиру думать ни о чем, кроме крови и смерти. Но он не мог не понимать, что совсем скоро эти демоны вернутся вновь и ему опять придется утолять их жажду чьей-то кровью.

Выйдя из состояния задумчивости, Казимир поднял взгляд на остальных пассажиров авто, испытывая непривычное для себя желание поделиться хорошим настроением.

Напротив него сидел, сложив руки на коленях, Хирург. Он скользил взглядом по телу де Валтоса, словно раздумывая над тем, каким способом того правильнее препарировать. Де Валтос про себя усмехнулся, перехватив этот взгляд. Он слишком хорошо помнил, насколько болезненной оказалась последняя процедура очищения его испорченных внутренних органов и обновления отравленной кровеносной системы.

В эту игру могли играть только двое: он и Хирург. Но сейчас Казимир де Валтос думал о другом. Он вспоминал вопли сотни с лишним жертв, на которых он практиковался в своем мастерстве. Вскоре они с Хирургом поменяются ролями, когда он овладеет Несущим Ночь. Спящий Хозяин одарит своего слугу бессмертием, которого Казимир так жаждет, и эти выскочки чужаки поймут, у кого истинная власть.

Женщина, помощница Хирурга, сидела рядом с ним, вытянув свои длинные ноги цвета слоновой кости. Ее глаза, возбуждающие и отталкивающие одновременно, игриво сверкали. Она послала де Валтосу воздушный поцелуй, и он вздрогнул, словно та угрожала прикоснуться к нему своей отвратительной, но тем не менее чувственной плотью.

Несмотря на все ее хвастливые обещания, порожденные варпом твари не справились со своей миссией, но де Валтос все равно не чувствовал разочарования. В конце концов у него появилась возможность увидеть лицо Шонаи. Интересно посмотреть, что с ней сделается, когда она поймет, что именно он, Казимир де Валтос, стоял за всеми ее провалами.

Тут вдруг де Валтос почувствовал, что хорошее настроение испаряется. Неужели виной тому негромкие ритмичные звуки, которые издавал еще один пассажир автомобиля — Вендаре Талун. Он, демонстративно не глядя на остальных, постукивал безымянным пальцем по затемненному оконному стеклу. Де Валтосу хотелось было пожалеть Вендаре, но это чувство

навсегда умерло, в нем в тот миг, когда лезвия гомункулуса содрали кожу с его мышц.

Если он и ощущал что-нибудь по отношению к этому человеку, то только презрение. К союзу с де Валтосом Талуна привели его мелочность и ограниченность. Как же еще, по его мнению, можно было вырвать контроль над этим миром из рук Шонаи? Словами и демократическим путем? При этой мысли де Валтосу захотелось громко рассмеяться, но он сдержал это желание. Не ко времени. Пока не ко времени.

Вместо этого де Валтос заставил себя взять под контроль рвущиеся на свободу чувства, понимая, что теперь, когда развязка уже близка, ему не следует утрачивать власть над собой. Контроль — это все.

Когда автомобиль завернул за угол, де Валтос увидел впереди Врата Брэндона. Подняв руку, он растопырил пальцы веером и посмотрел сквозь них на город. Весь он помещался у него между указательным и большим пальцами. Расстояние между этими пальцами было ничтожным, а срок жизни губернатора Шонаи и того меньше. Де Валтос бросил беглый взгляд на хронометр, а Хирург извлек из-под своей мантии какое-то длинное изогнутое устройство и принялся пристально рассматривать его. Де Валтоса вновь поразили изящество и ловкость движений пальцев Хирурга.

Чужак с досадой поджал губы. Убрав устройство на место, он сказал:

— Скульптура из плоти угасла. В вивисектории — враги.

Де Валтос удивился, но постарался скрыть от Хирурга свое удивление. Если кому-то удалось обнаружить Хонана, то этот человек должен понять масштабы его планов. Он должен был понять все…

…Не важно. Цепь событий завела планету уже слишком далеко, все идет само собой, и другого пути нет ни у него, ни у Шонаи, ни у Павониса, ни у всей галактики. Все предопределено, и помешать де Валтосу теперь не сможет никто. Вот и авто почти добралось до стартовой площадки, где он вступит на борт челнока, который доставит Казимира де Валтоса к его судьбе во дворце.

Вспомнив о Бошампе Аброгасе, запертом в камере на базе Адептус Арбитрес, он снова чуть не рассмеялся.

Обратившись к ненавистной женщине, он спросил:

— Ты дала этому парню, Аброгасу, ингалятор? Женщина кивнула, не удостоив его более развернутым ответом.

Так странно, что такой кретин, как Бошамп, провозгласит начало новой эры Павониса.

Но все это в будущем. Сейчас его внимания требовали другие дела.

— Итак, это началось? — спросила Микола Шонаи.

— Я в этом уверен почти на сто процентов. Де Валтос не покинул бы свой дом, если б события, которые он столь долго и тщательно планировал, не вступили в завершающую стадию, — ответил инквизитор Барзано, отключив приемник и вытаскивая пистолет и меч.

Возможно, он реагирует на сообщение Уриэля слишком остро, но после нападения тварей из варпа он предпочитал больше не рисковать.

У инквизитора было скверное настроение — он только что узнал, что Амел Ведден, предатель, которого пленил сержант Леаркус после мятежа на площади Освобождения, покончил с собой.

Несмотря на то что его держали связанным и под наркозом, он каким-то образом умудрился вытащить один из катетеров, по которым в его кровь поступали обезболивающие, и ввести в вену пузырек воздуха, что привело к закупорке кровеносных сосудов и сердечному приступу. Это был болезненный способ умереть, и, хотя Ведден избежал правосудия в этом мире, Барзано знал, что сейчас все демоны ада терзают его черную душу.

Десятки вооруженных стражей окружили губернаторское крыло дворца, и сержант Леаркус привел Ультрамаринов во внутренние покои. Для охраны Миколы Шонаи и Арио Барзано было сделано все возможное.

— Итак, что же нам теперь делать, инквизитор? — спросил Лиланд Кортео, пытаясь скрыть охватившее его беспокойство.

Повернувшись к немолодому уже советнику, Барзано успокаивающе положил руку ему на плечо:

— Прежде всего необходимо привести в состояние повышенной готовности все преданные нам вооруженные силы. Предупредите по связи Адептус Арбитрес и переведите в состояние полной боевой готовности всю охрану дворца. Затем объясните командующему обороной дворца, что он должен распределить силы таким образом, чтобы каждый из танков, ожидающих за городскими стенами, постоянно находился на прицеле. Надеюсь, что уличных боев в городе удастся избежать, но, если де Валтос что-то предпримет, я хочу, чтобы мы все были к этому готовы. Понимаете?

— Разумеется. Я лично прослежу за этим. Я знаю командующего, Даниила Воренса, и уверен, что он сможет обеспечить выполнение всех ваших приказов.

Кортео поспешно вышел из комнаты, оставив Барзано, Дженну Шарбен, Алмерза Чанду и Миколу Шонаи наблюдать через бронированные стекла губернаторского кабинета за

готовящимся к решающей схватке городом.

В воздух поднимались клубы выхлопных газов десятков танков, и Барзано понимал, что рано или поздно их пушки ударят по городским стенам.

— Арбитр Шарбен!

— Да? — встрепенулась она, поворачиваясь к инквизитору.

— Я хочу, чтобы вы сопроводили губернатора к ее личному челноку. Затем вам надлежит отправиться с ней на крейсер «Горе побежденному».

Лицо Миколы Шонаи окаменело, и она сложила руки на груди.

— Инквизитор Барзано, это переломный момент в истории моей планеты, и вы хотите, чтобы я сбежала? Мой долг сейчас — быть здесь и провести мой народ через все испытания, какими бы трудными они ни оказались.

— Я понимаю, Микола, и в обычных обстоятельствах я бы согласился с вами, но наши враги показали, что могут дотянуться до самого защищенного убежища и нанести по вам удар. Я отправляю вас на крейсер ради вашей безопасности, пока не буду уверен, что дворец надежен. Если то, что мы сейчас наблюдаем за окнами, — начало полномасштабного мятежа, то логика говорит о том, что на вашу жизнь будут и другие покушения.

— Но ведь мы здесь хорошо защищены? Сержант Леаркус заверил меня, что я в полной безопасности.

— Я не сомневаюсь в возможностях сержанта, но со мной не нужно спорить. Вы направляетесь на крейсер «Горе побежденному», и все.

— Нет, — заявила Микола Шонаи. — Я не оставлю Павонис, убегая от опасности, словно испуганное дитя. Я не подведу больше свой народ. Я не побегу, я останусь, и если это подвергает мою жизнь опасности, значит, так тому и быть.

Глубоко вздохнув, Барзано принялся двумя руками тереть свои виски. Лицо Шонаи светилось такой решимостью, что инквизитор понял: если он твердо намерен отправить ее на челнок, то придется приказать Леаркусу сгрести ее в охапку и тащить туда силой.

— Хорошо, — сдался он, — но дайте мне слово, что, если положение будет ухудшаться и оставаться здесь будет слишком опасно, вы позволите нам переправить вас на крейсер.

На мгновение он подумал, что губернатор откажется, но в конце концов она кивнула:

— Хорошо, если положение здесь станет слишком опасным, я соглашусь на ваше требование.

— Благодарю вас, это все, о чем я прошу, — сказал Барзано.

Когда открылась дверь камеры и угрюмый надзиратель сообщил, что семья Аброгаса решила-таки уплатить за него штраф, это оказалось лучшей новостью, которую мог припомнить Бошамп за последнее время.

Его голова просто раскалывалась от боли. Он щурился, когда его вели по бесконечному, залитому светом коридору, мимо железных дверей камер, натыканных по всей его длине.

Он уже ощущал свое превосходство над теми несчастными, кто все еще оставался запертым в камерах. Быстрая уплата штрафа из разбухших фамильных сундуков — о таком они не могли и мечтать.

Сейчас он соображал несколько лучше, чем за многие предыдущие месяцы, а потому поклялся себе не налегать больше на опиатикс и, быть может, даже отказаться от него вообще.

Аброгаса провели по нескольким ничем не отличающимся друг от друга коридорам, зарегистрировали в нескольких кабинетах и заставили подписать какие-то бумаги — он их и читать даже не стал. И вот наконец ему было разрешено покинуть этаж, на котором содержались заключенные.

Настроение Аброгаса еще больше улучшилось, когда он вошел в лифт со свертком своей одежды в руках. Одежда, правда, оказалась настолько грязной, что он сомневался, смогут ли его верные слуги вывести с нее пятна.

Когда двери лифта открылись, Аброгас от предвкушения свободы облизал губы. Его опять повели по безликим коридорам — свобода была уже совсем рядом. Но в итоге он очутился в простой комнате с обшарпанным столом и привинченными к полу стульями. Арбитр толкнул его на один из стульев и сказал только одно слово: — Жди.

Бошамп Аброгас кивнул и скрестил на груди руки, водрузив ноги на стол. Прежняя надменность и развязные манеры понемногу начали возвращаться к нему. Прошли долгие минуты, и Аброгас забеспокоился. Он расхаживал по крошечной комнатке взад и вперед, его нетерпение нарастало. Устав ходить, он снова уселся на стул и в этот момент услышал звук открывающегося замка.

Вошел новый арбитр, а вслед за ним — человек крупного телосложения в длинной мантии, с короткой, тщательно ухоженной бородкой. Вновь прибывший нес металлический ящик, на лацкане у него был значок картеля Аброгас, но Бошамп его не узнал.

Арбитр вышел, а человек сел напротив Бошампа и, поставив ящик на стол, придвинул его к

Аброгасу:

— Я Тирьен Хирас, мой лорд. Я пришел, чтобы отвезти вас домой.

— Что ж, давно уже пора! — раздраженно выпалил Бошамп. Будь он проклят, если проявит благодарность по отношению к слуге! Указав на ящик, он спросил: — А это что?

— Я взял на себя смелость расписаться за ваши личные вещи, мой лорд, — ответил Хирас, открывая ящик. Внутри лежала толстая пачка денег, драгоценности, колода карт и…

Глаза Бошампа округлились при виде простого черного ингалятора для опиатикса, который перед самым арестом во Флеш-баре опустила в его карман женщина с волосами цвета воронового крыла. Аброгас хитро улыбнулся, но взял ингалятор только после того, как разложил по карманам остальные вещи. Бошамп решил в конце концов быть великодушным и кивнул Хирасу:

— Благодарю, гилдер Хирас. Сегодня вы оказали своему руководителю большую услугу.

— Это мой долг, мой лорд, — произнес Хирас, поднимая пустой ящик и вставая со своего стула. Обойдя Аброгаса, он постучал в дверь. — Я верну это офицерам, и затем мы отправимся, мой лорд.

— Только поскорей, мне не терпится оказаться дома.

Дверь открылась, и Тирьен Хирас поспешно вышел.

Вновь оставшись в одиночестве, Бошамп ощутил в своей потной ладони приятную тяжесть ингалятора и провел рукой по квадратному подбородку, чувствуя, как внутри его растет желание поскорее…

…Нет, нельзя. Не здесь. Не в здании Адептус Арбитрес. Должно быть, здесь есть скрытые видеозаписывающие устройства.

Но было слишком поздно, мысль об опиатиксе уже полностью овладела им.

Отлично! Это будет его крошечной местью Адептус Арбитрес, нарушение их закона на их же территории. Эта мысль показалась Бошампу слишком забавной, чтобы ей противиться, и он гаденько хихикнул, ощущая непреодолимое желание поглотить весь опиатикс, содержащийся в ингаляторе, одним гигантским вдохом.

Но это было бы слишком глупо, его опять швырнут в камеру. Особенно если он такой же сильный, как первая порция, после которой он и был арестован.

Нет, всего лишь маленькая затяжка.

Ну, может, чуть-чуть больше.

Не больше половины.

Бошамп поднял руку ко рту, словно собираясь зевнуть, и сунул наконечник ингалятора в рот. Он ощутил пластиковый вкус мундштука, почувствовал знакомое предчувствие первой волны наслаждения перед тем, как нажать кнопку дозатора и сделать вдох.

Горячие зерна опиатикса хлынули в его горло и легкие.

Бошамп сразу же понял: что-то не так.

О Император, что за дьявольщина?

Но Бошампу Аброгасу было уже слишком поздно думать и о дьяволе, и об Императоре.

Огненный жар охватил его тело, словно не кровь, а расплавленный свинец вдруг побежал по его венам, и нестерпимая острая боль пронзила его спинной мозг. Ноги Аброгаса судорожно тряслись, а руки, ломая ногти, скребли по столу, оставляя на его гладкой поверхности глубокие кровавые борозды. Визжа от боли, Аброгас сполз со стула и повалился на бетонный пол.

Каждая клеточка его тела горела, словно в огне ада.

Чуждые химикалии, извлеченные из компонентов, столь смертоносных, что многими они вообще считались вымышленными, смешивались теперь с теми, что дала ему помощница Хирурга во Флеш-баре.

Мозг бедняги, казалось, вскипает в черепе. Бошамп Аброгас вцепился себе в волосы, вырывая их из головы клочьями. Он катался по полу, визжа, как банши, каждую секунду его тело пронзали десятки молний обжигающей боли. Его кости будто тонули в расплавленной лаве, в которую превратилась его плоть. Тут Аброгас каким-то образом умудрился подняться на ноги и всем телом навалился на дверь.

Он был не в состоянии произнести ни слова и лишь с безумностью обреченного колотился телом о запертую дверь, разбивая в кровь локти и колени. Он буквально обезумел от чудовищной боли, разрушающей его нервную систему.

Дверь распахнулась, Бошамп на бегу врезался в вошедшего было арбитра, сбил его с ног и без оглядки бросился бежать.

Его бег по тюремным коридорам сопровождался криками, но Бошамп сам себя не слышал, он несся наугад, не зная, куда направляется, но не в силах остановиться.

Вскоре он рухнул на колени, огонь сжигал его тело изнутри.

В его сознание пробились голоса. Эти голоса что-то кричали Аброгасу, но он не мог разобрать что.

Когда химическая реакция, вспенивающая его кровь, поглотила достаточно энергии из его тела, когда концентрация чуждых веществ в его организме достигла критической массы, агония перешла в последнюю стадию.

Чистая энергия.

И Бошамп Аброгас взорвался с силой дюжины фугасных зарядов.

15

Ударная волна от взрыва обвалила фасад главного здания базы Адептус Арбитрес, рухнувший в огромном облаке пыли и дыма, и выбила окна во всех домах в радиусе километра.

Взревели работавшие до этого вхолостую двигатели, и танки двинулись к городу. Две боевые машины из Казарм Харона открыли огонь по бронзовым воротам, и тяжелые снаряды снесли их, а заодно и изрядный кусок стены. Когда рассеялся дым, стала видна двадцатиметровая брешь, и танки, размолов гусеницами остатки каменной кладки, вошли в город.

Две дюжины тяжелых машин прогрохотали по булыжным мостовым к губернаторскому дворцу, а остальные рассредоточились — они двигались к периферийным посадочным площадкам. За ними бронетранспортеры заняли позиции на стратегически важных перекрестках дорог, ведущих к центру города, — и вот уже, высадившись из бэтээров, мятежная пехота ПСС взяла под контроль ключевые предприятия и военные склады…

Не беспрепятственно, разумеется: между войсками ПСС и группами рабочих, преданных картелю Шонаи, то и дело вспыхивали ожесточенные схватки. Да что там схватки: от попадания снарядов в контейнеры с химикатами — ведь все происходило в пром-зоне — вспыхивали пожары, и сражение все больше напоминало геенну огненную.

А ведущие танки хаотично сновали по площади Освобождения, уворачиваясь от крупнокалиберных снарядов пушек, сыпавших из дворцовых башен. На площади уже зияли воронки и догорали корпуса, а только-только подорвавшиеся машины на глазах превращались в гейзеры пламени.

Однако целей у орудийных дворцовых сервиторов становилось слишком много: в город

пробиралось все больше бронетехники, — и вот танки уже протаранили оборонительный заслон, они уже у стен дворца, уже у дымящейся базы Адептус Арбитрес.

По каким-то причинам энергетический щит дворца не был активирован, и снаряды стали падать за стены цитадели.

Первыми целями стали оборонительные башни, каждый танк обменивался выстрелами с дворцовыми артиллеристами. Но вскоре все они были взяты в огневые вилки, и башни рухнули со стен в ярких языках пламени.

Затем шквал снарядов посыпался на дворец: контрфорсы и аркады, изукрашенные фресками галереи, простоявшие тысячелетия, в мгновение ока превращались в обломки. Черные грибы взрывов то и дело вырастали внутри пылающего дворца, опрокидывая позолоченные своды и выбивая бесценные витражи необыкновенной красоты.

От мощных взрывов покосилась большая колокольня и с царственной величавостью осела на дворцовые угодья. Колокол, который привезли на Павонис еще первые колонисты, издав последний стон, превратился в груду медных осколков на булыжной эспланаде.

Другие танки встретили ожесточенное сопротивление у базы Адептус Арбитрес: силовые поля стен принимали на себя основную тяжесть обстрела, потрескивая и вспыхивая разрядами энергии. Несколько танков направили орудия выше стен, но их снаряды разрывались значительно дальше, чем нужно, чтобы пробить оборону базы. Но как бы то ни было, все понимали, что рано или поздно энергетические поля, защищающие базу, не выдержат и стены превратятся в пыль.

И дворец, и база Адептус Арбитрес были обречены.

Арио Барзано, с трудом выбравшись из-под груды досок и штукатурки, вытер кровь с пораненной щеки. Стены дворцовых комнат под градом снарядов рушились одна за другой, шальным осколком запросто могло задеть и его, и губернатора. Понимая это, инквизитор пополз к Миколе Шонаи.

Женщина, лежащая под обломками, не подавала признаков жизни. Барзано с тревогой прижал пальцы к шее губернатора и, нащупав пульс, оттащил Шонаи от стены, низко пригибаясь и держась подальше от разбитого окна. Так, теперь нужно осмотреть ее тело на предмет ранений. Ничего серьезного — Барзано обнаружил лишь синяки и порезы от разлетавшихся во все стороны осколков.

Убедившись, что с Миколой Шонаи все более-менее в порядке, инквизитор пополз по полу кабинета к другим его обитателям. Дженна Шарбен, кажется, тоже не слишком сильно пострадала: она, хоть и прижимала к груди левую руку, коротко кивнула Барзано и взглядом указала на распростертого ничком под большим изогнутым куском деревянной панели Алмерза Чанду. Помощник губернатора застонал, когда инквизитор сбросил с него тяжелый кусок штукатурки.

— Что случилось? — невнятно произнес советник.

— Кажется, танки на площади Освобождения пытаются отстранить губернатора от должности совсем уже радикальными средствами, — ответил Барзано, помогая сесть и прислониться к стене покрытому синяками мужчине. — Вы ранены?

— Не думаю, что серьезно, — всего несколько порезов.

— Хорошо. Не двигайтесь, — предупредил Барзано, бросая озабоченные взгляды на широкие трещины в потолке, и тут комнату опять сотрясли грохочущие разрывы. Инквизитор подполз к остаткам стены, туда, где некогда было окно, и, стараясь остаться незамеченным извне, приподнял голову над изломанной каменной кладкой.

На площади он увидел десятки танков «Леман Русс»; некоторые из них, правда, уже превратились в полыхающие развалины, но большая часть неотвратимо приближалась к дворцу, задрав пушки, чтобы открыть огонь по верхним этажам. За танками шли десятки бронемашин «Химера». Все они двигались в сторону дворца и базы Адептус Арбитрес.

Комнату в очередной раз тряхануло, из трещин, которыми тут же покрылся потолок, посыпалась штукатурка, а деревянные балки затрещали, готовые в любую минуту обрушиться. Нижние этажи дворца уже объяло пламя, а от сводчатого входа осталась лишь груда почерневших от пожара камней.

Барзано отполз назад, к Миколе Шонаи. Губернатор понемногу начинала приходить в себя, и он вытер кровь и пыль с ее лица. Женщина закашлялась, открыла глаза, и Барзано с удовлетворением отметил, что в ее взгляде нет страха. Шонаи выпрямилась и окинула взором руины, недавно бывшие ее кабинетом.

— Ублюдки! — заключила она, пытаясь подняться. Барзано удержал ее, ибо очередной шквал снарядов сотряс стены словно ударами огромного молота.

Бросив взгляд в сторону Дженны Шарбен, стоявшей на коленях подле Алмерза Чанды, он резюмировал:

— Мы должны выбираться отсюда, Микола. Сомнений в том, что ситуация ухудшается, думаю, не осталось ни у кого.

Еще раз осмотревшись, Шонаи слабо улыбнулась и покачала головой:

— Полагаю, нет. — Она поморщилась, прижав руку к виску. — Помню только кошмарный взрыв, а потом — я уже лежу на полу.

Не обращая внимания на протянутую руку Барзано, Шонаи пусть неуверенно, но без

посторонней помощи поднялась на ноги и отряхнула свой представительский костюм от пыли. И тут дверь вылетела из косяков: помятый гигант сержант Леаркус, а за ним еще два воина, которым Уриэль приказал оставаться при инквизиторе, ворвались в кабинет.

— С вами все в порядке? — спросил Леаркус.

— Жить будем, сержант, — заверила его Микола Шонаи, проходя в еще целые внешние комнаты, — но теперь нужно действовать быстро. Враг у ворот.

Леаркус подхватил оступившегося Чанду, а Джен-на Шарбен и Арио Барзано последовали за губернатором. Шонаи тут же окружила дюжина дворцовых стражей и солдат, готовых защитить ее своими телами. Внезапно губернатор остановилась. Склонив набок голову, она повернулась к стражам:

— А почему не действует энергетический щит? Барзано призадумался.

— Это чрезвычайно интересный вопрос, — произнес наконец он.

По воксу Барзано связался со своим кабинетом и Лортуэном Перджедом:

— Лортуэн, друг мой, как вы там, держитесь? После продолжительного молчания Перджед наконец ответил:

— Да, с нами порядок, Арио. А как ты?

— Мы живы, и это уже кое-что, но убираемся отсюда и направляемся на крейсер. Собирай всех — и выдвигайтесь к посадочной площадке на крыше восточного крыла. Встретимся там. — Инквизитор отключил связь и повернулся к Леаркусу. — Сержант, нужно, чтобы вы и ваши люди отправились в командный пункт воздушной обороны и выяснили, почему не действует энергетический щит. Сделайте все, что возможно и невозможно, но он должен заработать. Леаркус собрался было что-то возразить, но Барзано не дал ему ничего сказать, махнув в сторону дворцовых солдат:

— Не беспокойтесь за мою безопасность, сержант. Нас тут есть кому защитить, я в этом уверен.

Сержанта совершенно не убедили слова инквизитора, но он подчинился его приказу и передал качающегося Чанду двум солдатам в серой униформе.

— Я покажу вам, как пройти, — предложил молодой солдат.

Леаркус пробурчал слова благодарности, и четверка направилась к контрольному пункту.

Некогда грозный и внушительный фасад главного здания базы Адептус Арбитрес теперь выглядел удручающе: вся западная часть его осела, обнажив пласкритовые плиты и искривленную арматуру. Огромные, шириной в метр, трещины тянулись от земли до крыши, в каркасе здания зияли гигантские дыры. Да, ущерб был велик.

Окровавленные арбитры откапывали товарищей и вытаскивали раненых из-под обломков.

Вирджил Ортега протискивался через толпу контуженных арбитров, стараясь осмыслить события последних минут: как могла произойти такая катастрофа? Как могло случиться, что главное здание базы арбитров лежало в руинах? Это не снаряд, посланный извне, — совершенно ясно, что взрыв произошел внутри самой базы. Тайком пронести на базу бомбу было невозможно, но как еще это могло случиться?…

«Ладно, — решил Ортега, — подумаю об этом потом. И о возмездии думать буду тоже потом. Если, конечно, оно будет это „потом"…» Так размышлял Вирджил Ортега, прислушиваясь к оглушительному грому артиллерийской канонады, — танки изменников пытались пробить себе дорогу. Что значит «если»? Конечно будет! И Ортега поспешно отчитал себя за эту еретическую мысль. Ведь он — воин Императора, и пока в его теле есть жизнь, ни о капитуляции, ни о панике не может быть речи.

«Ладно, — решил Ортега, — подумаю об этом потом. И о возмездии думать буду тоже потом. Если, конечно, оно будет это „потом"…» Так размышлял Вирджил Ортега, прислушиваясь к оглушительному грому артиллерийской канонады, — танки изменников пытались пробить себе дорогу. Что значит «если»? Конечно будет! И Ортега поспешно отчитал себя за эту еретическую мысль. Ведь он — воин Императора, и пока в его теле есть жизнь, ни о капитуляции, ни о панике не может быть речи.

Он подбегал к каждому, кто еще мог держать в руках оружие, и отдавал указания. Пока это первый удар вооруженного мятежа, а когда стены падут, арбитрам придется намного тяжелее. Конечно, лучше всего было бы организовать оборону в главном здании базы, но, увы, на это больше не приходилось рассчитывать. Пушечные батареи на зубчатых стенах значительно добавляли эффективности в обороне, но и они были повреждены во время взрыва и последующего обрушения.

Дыхание Ортеги было прерывистым и болезненным, в голове ужасно стучало. Он только что вышел из лазарета, и поломанные ребра сильно болели, но будь он проклят, если станет отсиживаться во время этой схватки!

Наконец арбитр удостоверился, что все возможные меры предосторожности приняты и гарнизон полностью готов к обороне. Только после этого Вирджил Ортега, удовлетворенный собой, вернулся к воротам базы, где оставил Колликса с рацией. Вирджил был приятно удивлен тем, как юноша возмужал за последние несколько дней. Он искренне радовался, что молодой сержант уцелел.

— Повезло? — спросил Ортега.

— Пока нет, сэр. Все остальные участки вне связи. Нас глушат.

— Проклятие! — Положение оказалось гораздо хуже, чем он думал. — Попробуй сеть ПСС, — предложил он.

— Я уже пытался. Она глушится непрерывно.

— Что ж, продолжай попытки и сообщи мне, когда что-нибудь получится.

Кивнув, Колликс вернулся к аппаратуре связи.

Ортега окинул взглядом заваленную обломками площадку перед собой. Оборонительный периметр главного здания базы простирался на триста метров вперед: это были наклонные стены, танковые ловушки и скрытые траншеи, что обеспечивало многоуровневую защиту, и сейчас там поспешно размещались его наспех сформированные стрелковые группы. Однако то, что должно было бы быть свободной зоной обстрела, сейчас оказалось завалено огромными каменными и стальными плитами. Когда враг прорвет стены, у него появится масса возможностей для укрытия.

Ортега бросил взгляд на деформированные роликовые двери, защищавшие гараж базы. Изнутри до него доносился рокот работающих вхолостую двигателей трех танков «Леман Русс», которыми располагали арбитры. «Ладно, — подумал он, — нам есть еще чем порадовать противников».

И тут опять раздался мощный взрыв, сверкнула ослепительная вспышка, а следом за ней — новый резкий звук, похожий на оглушительный щелчок хлыста. Это сдали защитные силовые поля стен. Огневая мощь врага все-таки сокрушила машинных духов. Через несколько секунд целая секция стены рухнула внутрь двора.

Вот оно: начиналась атака, и Вирджил еще раз подумал о том, что, располагая ограниченным временем и ресурсами, он сделал все, что мог.

А теперь он увидит, достаточно ли этого.

Даниил Воренс опустил дымящийся лазерный пистолет и вновь равнодушно уставился в обзорный экран. В контрольном пункте обороны воцарилась мертвая тишина — все техники были ошеломлены происшедшим.

Лютрисия Виджеон, в ужасе разинув рот, смотрела на лежащий в центре комнаты труп с рваной дырой на месте лица. Этот старик влетел, осыпая их проклятиями за то, что они позволили предателям разнести дворцовые стены. И требовал поднять энергетический щит.

Она сама удивлялась, что Воренс до сих пор не поднял щит, и собиралась уже озвучить свое

беспокойство, когда объявился этот неизвестный старик. Видимо, у него был допуск очень высокого уровня, раз он сумел беспрепятственно пройти в центр управления.

И тут-то Воренс преспокойно вытащил свой пистолет и выстрелил ему в лицо.

— Кто-нибудь еще желает, чтобы я поднял щит? — тихо спросил он.

Все промолчали, и Лютрисию охватило жгучее чувство стыда. Это было убийство и предательство. Находясь в безопасности в этом укрепленном сооружении, они слышали лишь слабые отголоски артобстрела, уничтожающего остальную часть дворца. Она пробубнила короткую молитву Императору, прося его о прощении.

Несмотря на присутствие дюжих дворцовых солдат, Арио Барзано не чувствовал себя в безопасности: вновь прибывшие на площадь Освобождения танки присоединились к тем, что уже вели обстрел дворца, так что находиться здесь становилось все опаснее. Из всех комнат и коридоров доносились стоны и плач: близкие к панике обитатели дворца бежали в убежища в подвале и к посадочным площадкам шаттлов. А снаружи этот страшный хор усиливался победным криком вторгающихся во дворец солдат.

Да, отрезанные от подкрепления и ошарашенные уже понесенными чудовищными потерями люди не смогут долго держать оборону. Еще немного, и дворец будет захвачен.

Первым делом необходимо было вывести отсюда Миколу Шонаи. Барзано понимал: губернатор — это символ, вокруг которого объединятся верноподданные войска, и только тогда они смогут удержать эту планету и не дать осуществиться плану де Валтоса.

Микола Шонаи опиралась на руку инквизитора, а позади Дженна Шарбен поддерживала Алмерза Чанду. Помощник губернатора сильно тормозил их продвижение, очевидно, его раны были серьезнее, чем казались.

— Сколько еще осталось идти до площадки? — спросил Барзано, слыша, как приближаются крики атакующих.

— Совсем чуть-чуть. Будем на месте через несколько минут, — ответила, запыхавшись, Шонаи.

Коридор вздрогнул от нового града снарядов, и Барзано застыл на месте, когда кусок крыши обвалился прямо перед ними, похоронив первую шестерку солдат из группы сопровождения губернатора и наполнив воздух удушающим дымом и обломками.

Но оторопь прошла, пыль осела, и с губ Барзано сорвалось весьма неласковое слово, когда он увидел, что проход перед ним полностью завален руинами. Он поставил на ноги задыхающегося солдата и крикнул:

— Есть ли другой путь к посадочным платформам? Быстро!

Юноша прокашлялся и кивнул:

— Да, сэр, для этого придется вернуться назад тем же путем. Это будет дольше, но мы все же сможем пройти.

Вопли и рокот пальбы из стрелкового оружия звучали уже в опасной близости.

— Проклятие… — прошептал Барзано.

Арбитр Ортега не видел, как первый выстрел накрыл базу, пока со стены не сбило одну из пушечных батарей. Полыхающие обломки низверглись со стены и с грохотом обрушились на землю, раздавив дюжину арбитров из стрелковой группы правого фланга.

Оставшиеся батареи открыли огонь по первым танкам, показавшимся в проломе в стене. Ведущую бронемашину разнесло на части, а ее башня, кувыркаясь, взмыла высоко в воздух. Не успел рассеяться дым, как три «Завоевателя» отпихнули обломки своего незадачливого предшественника в сторону и накрыли базу шквалом огня. Каждый из выпущенных ими снарядов, разрываясь, откалывал от фасада огромные куски камня. Уже потерявшее устойчивость здание в конце концов не выдержало.

Арбитры бросились врассыпную, когда здоровенные куски пласкрита и стали посыпались смертоносным дождем, заживо похоронив под собою раненых. Чудовищные тучи удушающей пыли ослепили Вирд-жила, но он отчетливо услышал рычание двигателей и закричал, перекрывая непрестанный грохот:

— Стоять насмерть! Никакой капитуляции!

Его крик потонул в пронзительном вое орудийной канонады — это пушки арбитров вступили в бой с орудиями вражьих танков. Борьба была неравной, поскольку «Завоеватели», произведя по дворцу очередной выстрел, меняли позицию прежде, чем батареи обороняющихся успевали прицелиться. Несмотря на все ухищрения, три танка были подбиты прежде, чем появившиеся за ними мятежные войска с пусковыми ракетными установками и минометами быстро уничтожили орудия арбитров концентрированными залпами огня.

Сквозь дым и пыль Вирджил смог наконец разглядеть надвигающиеся силуэты бронемашин и нырнул в укрытие за мгновение до того, как мощный лазерный луч из башни приближающейся «Химеры» полыхнул в его сторону.

Перекатившись, он поднялся за одной из усиленных оборонительных стен и крикнул ближайшим стрелкам:

— «Химера»! На одиннадцать часов!

Услышав приказ, расчет из двух человек навел пусковую ракетную установку на машину.

Вылетев из безоткатной пусковой установки, снаряд ударил «Химеру» в лоб и взорвался, не пробив корпус. Но траки были повреждены, и машину занесло. Врезавшись в бетонную глыбу, «Химера» развернулась и заскребла, высекая искры, оставшейся гусеницей. Экипаж стал выбираться наружу, пока бронемашина не стала для него гробом.

Вирджил выругался, впервые воочию увидев атакующих: планетарные силы самообороны Павониса!

Он и раньше это подозревал, но увидеть своими глазами, что именно они открыто атакуют его людей, — это все-таки, согласитесь, потрясение. Ортега почувствовал, что его вот-вот охватит приступ неконтролируемого бешенства, и нечеловеческим усилием воли подавил душившую его ярость, понимая, что в создавшейся обстановке ярость — плохой помощник.

В открытый люк «Химеры» влетела еще одна ракета, и танк взорвался. Его топливный бак и боезапас сдетонировали, и бешеный язык пламени из трансмиссионной части взмыл ввысь, подобно пламени огнемета. Полыхающие солдаты ПСС с дикими воплями разбежались во все стороны, а из траншей донеслись слабые радостные возгласы арбитров. Донеслись — и тут же стихли: воздух наполнился металлическим кашлем массированного минометного огня.

— Берегись! — закричал Вирджил, падая на землю и прикрывая голову руками.

Мины накрыли территорию базы цепочкой глухих взрывов. Большинство арбитров успели укрыться, но кое-кого разорвало в клочки градом шрапнели.

Мины сыпались как горох из прохудившегося мешка, один залп следовал за другим, и Вирджил не мог даже на секунду высунуться из убежища.

Вирджил понимал, что, пока его люди прячутся за стенами, потери от минометного обстрела будут минимальны, но ведь и мятежники из ПСС с каждой секундой подбираются все ближе. Рискнув поднять голову из-за укрытия, Вирджил чертыхнулся, увидев, как четыре «Химеры» вплотную приблизились к его позиции.

Минометный обстрел прекратился, и наступившая тишина принесла невыразимое облегчение. Вирджил поднялся на ноги с дробовиком на изготовку.

Шестеро солдат ПСС удивленно уставились на него, — вероятно, уже не ожидали увидеть живого арбитра. Эта неожиданность и стала для мятежников губительной.

Вирджил, не целясь, открыл огонь. С такого близкого расстояния он сразил двоих мгновенно,

третьего — полсекундой позже и, перепрыгивая через стену, врезал обеими ногами в лицо ближайшему солдату, так что тот свалился на двух, стоявших за ним. Арбитр приземлился, передернул затвор дробовика и, прежде чем его противники успели очухаться, отправил всех на тот свет.

Раздался выстрел, и снаряд ударил в стену рядом с арбитром. Он успел отклониться, когда раненый солдат вновь выстрелил из пистолета. Вирджил прыгнул вперед, разнес ему голову прикладом и тут же опять перебрался назад за стену.

Он бросил взгляд на линию обороны Адептус Арбитрес. Положение было хоть и плачевным, но все же не безнадежным. У мятежников из ПСС было преимущество в людях и вооружении, зато под командованием Вирджила сражались одни из самых лучших солдат в Империи. Превосходное обучение, вооружение и дисциплина Адептус Арбитрес сказывались сейчас в полной мере — Вирджил видел, что атака ПСС захлебнулась.

Вместо того чтобы наступать, солдаты противника попрятались за бронемашинами, время от времени постреливая из лазганов. Он понял: настало время нанести ответный удар.

— Колликс! — крикнул он. — Давай сюда! Сержант Колликс, пригнувшись, побежал к Вирджилу, на ходу стреляя из дробовика.

— Да, капитан? — отдышавшись, произнес Колликс.

— Свяжись с отделением Веритас, скажи, что сейчас они нужны мне здесь! Их задача — атаковать правый фланг противника. Их удар должен быть мощным и молниеносным, тогда мы сможем расширить участок прорыва и отбросить мятежников!

Пока Колликс торопливо вел переговоры по рации, Ортега перезарядил дробовик и передернул затвор.

— Капитан! Командир отделения Уоллас докладывает, что должным образом освящен только танк «Благочестивое Правосудие». Чтобы благословить и подготовить «Божественную Власть» и «Священный Закон», понадобится еще несколько минут.

Рявкнув, Ортега вырвал рацию из рук Колликса и заорал в микрофон:

— Уоллас, выводи эти проклятые танки прямо сейчас или я вырву твое проклятое Императором сердце и заставлю сожрать его! Ты меня понял?

Не дожидаясь ответа, он бросил микрофон Колликсу.

Через несколько секунд бронированная дверь гаража, завибрировав, поднялась наверх, и из-под нее выкатился танк «Леман Русс» весьма почтенного возраста. Имя у танка было

соответствующее: «Благочестивое Правосудие». Его орудия тут же дали залп.

Две «Химеры» взорвались одна за другой, а «Благочестивое Правосудие» принялся поливать солдат ПСС огнем из тяжелых болтеров, кося их дюжинами.

Вирджил мысленно улыбнулся. Во имя Императора, они смогут это сделать!

Солдаты ПСС разбегались перед «Благочестивым Правосудием», не в состоянии хоть как-то ему противостоять. И тут у Вирджила перехватило горло: он увидел инверсионный след ракеты, несущейся к танку. Ракета ударила в бок — и все исчезло в дыму взрыва.

Когда дым рассеялся, Вирджил увидел плачевную картину: лазерную пушку снесло с корпуса танка начисто. К счастью, других повреждений он не заметил.

Ортега вздохнул с облегчением.

— Воины Императора, пришло наше время! В атаку! — воскликнул он и первым перепрыгнул через стену укрытия.

Арбитры поднялись и, стреляя на бегу, что было мочи рванули через изрытую взрывами, усеянную трупами территорию. Вид погибших товарищей будил священную ярость, и «Благочестивое Правосудие», солидно порыкивающий и метко кладущий снаряды в цель, придавал им сил. Арбитры бежали вперед, стреляя и круша предателей коваными каблуками. Солдаты ПСС отступили, ошеломленные этим отчаянным напором.

Застрелив одного солдата в спину, а другого — в лицо, Вирджил заметил три танка «Завоеватель», вползающих через брешь в стене. Тяжелые болтеры, установленные на их корпусах, обрушили град снарядов на поле сражения. Этот огонь, подкрепленный выстрелами лазерных пушек, косил всех без разбора-и судей, и самих предателей. Люди оказались в настоящей мясорубке.

Но, какой бы мощью ни обладал танк, его хватает на десять минут боя: так и стремительная атака «Благочестивого Правосудия» оказалась непродолжительной. Сдвоенный удар ракеты и сверкающего копья лазерной пушки взорвал боезапас, и танк, перевернувшись, взмыл высоко в воздух.

Но место «Благочестивого Правосудия» тут же заняли «Божественная Власть» и «Священный Закон». Оба танка принялись поливать огнем тяжелых болтеров войска ПСС, и снаряды их мощных орудий оставляли в земле огромные кратеры.

Вирджил заметил, как группа офицеров ПСС ринулась к «Божественной Власти», и что было сил закричал экипажу машины, чтобы те отвели танк в сторону: один из вражеских офицеров был вооружен силовой перчаткой, массивный контур которой окутывало поле разрушительной

энергии. Это оружие могло легко пробить броню танка. Но разве мог человек перекричать шум боя?

Офицер прыгнул вперед с занесенным для удара «кулаком». Водитель «Божественной Власти», осознав опасность, попытался увернуться, но было уже слишком поздно. Первый офицер, наведя энергетическое оружие на танк, пробил бронированный корпус. Танк развернуло вокруг оси, он врезался в бетонную стену и раздавил ее вместе с четырьмя съежившимися за ней солдатами ПСС. Остальные офицеры разрядили магазины своего оружия в образовавшуюся здоровенную пробоину…

На арбитров, которые помчались отомстить за павших товарищей, обрушился шквал гранат, а офицеры скрылись в дыму сражения, избежав возмездия. Вирджил увидел, как на территорию базы вползают очередные «Химеры». За ними шли сотни солдат и три «Завоевателя» для вящей убедительности.

Контратака Адептус Арбитрес, которая — и это понимали все — была скорее демонстрацией личного мужества, чем тактическим маневром, захлебнулась. Число жертв среди оборонявшихся неуклонно росло, и ряды арбитров редели, захлебываясь в потоках крови, не в состоянии больше противостоять мятежникам.

Поначалу Вирджилу еще удавалось держать своих людей вместе, но по мере того, как их косили снаряды и пулеметный огонь, отступление превращалось в беспорядочное бегство.

«Священный Закон» обошел дымящиеся останки «Божественной Власти» и повел беспорядочный огонь, пытаясь прикрыть отступающих арбитров. Войска ПСС рассыпались перед этим танком, который загромыхал по направлению к «Химерам». Выстрел его лазерного орудия пробил тыловую броню одной из бронемашин, ее двигатель вспыхнул желтым пламенем, и мощный взрыв подбросил кувыркающуюся «Химеру» в воздух.

Горящие развалины рухнули на вторую машину, превратив ее левый трак в металлолом. Этот удар повредил и ведущий вал «Химеры». Ее двигатель надсадно взвыл, и машина, бешено крутясь, высоко подпрыгнула и рухнула на землю, взорвавшись ярко-оранжевым метеором и испепелив десятки пехотинцев ПСС.

Несмотря на эти потери, «Завоеватели» и пехота продолжали уничтожать последние разрозненные очаги сопротивления. Вирджил понял: это конец.

Все тот же офицер, который уничтожил танк «Божественная Власть», теперь атаковал «Священный Закон», выставив силовой «кулак», потрескивающий от смертоносной энергии. Вирджил выстрелил в офицера из дробовика, отчаянно желая спасти последний из своих танков, но расстояние для меткого выстрела было слишком велико.

«Священный Закон» дал полный газ. Его водитель видел, что произошло с его боевым братом, и не желал себе подобной судьбы. Понимая, что скорость — его единственная надежда, он повернул навстречу офицеру, рассчитывая раздавить его гусеницами.

Предатель прыгнул вперед и ударил силовым «кулаком» по взявшему разгон танку, и звенья гусеничного трака лопнули.

Зубчатые колеса продолжали бешено крутиться.

Посыпались оранжевые искры, и колеса взвизгнули, затягивая под танк силовой «кулак», а вместе с ним и неутомимого офицера. Его рвануло вниз, руку, державшую оружие, вырвало из плеча. Предсмертный вопль — и огромная машина погребла под собой тело мятежника.

Вирджил мчался к развалинам главного здания базы Адептус Арбитрес, истекая кровью от десятка ран. Сражение было проиграно, теперь самым главным было попытаться как можно больше людей увести в безопасное место.

Ортега понимал, что его шансы, мягко говоря, очень невелики, но был твердо намерен использовать их все. Он не сдастся и сделает все, чтобы помешать этой мрази. А сначала постарается выбраться отсюда во главе пусть небольшого, но боевого отряда.

ПСС остановили наступление, ошеломленные ужасной смертью своего командира и гибелью двух «Химер». Но их замешательство длилось недолго: выстрел лазерной пушки уничтожил «Священный Закон» прежде, чем кто-либо из его экипажа успел покинуть поврежденный танк.

Вирджил собрал всех уцелевших, всех, кто мог еще держать в руках оружие, всех, кого смог найти, и направил их к развалинам главного здания базы: если после взрыва уцелела часть нижних этажей, они смогут пройти тоннелями, проходящими под базой, и пробраться во дворец. Среди выживших он снова увидел Колликса и вздохнул с облегчением: парень жив, да и рация при нем. Стало быть, еще повоюем.

Вирджил понимал, что теперь бегство — их единственный шанс на спасение, а если они смогут добраться до тяжелого оружия, хранящегося в арсенале в подвалах дворца, их шансы продержаться сильно возрастут.

Понимая все это, Вирджил Ортега поклялся, что заставит этих проклятых мятежников сожалеть о том дне, когда они встали на путь измены.

Мысли Лютрисии Виджеон беспорядочно вертелись, как потерявший управление орнитоптер. Что здесь происходит? Воренс на глазах у всех убил человека и позволяет вести артобстрел дворца.

Лютрисия была преданной слугой Императора и понимала, что кто-то должен что-нибудь предпринять, но кто? Она?

Ее трясло от страха: ради Императора, она всего лишь простой техник! Она не готова к таким вещим. Как она будет драться с мужчиной, вооруженным лазерным пистолетом? Пот градом

катил с ее лба, застилая глаза…

И тут по всей комнате эхом разнесся глухой стук, словно по главной двери ударили огромным молотом. Даже Воренс казался встревоженным. Лютрисия повернулась, чтобы взглянуть на дисплей внешнего наблюдения. Сердце девушки екнуло, когда она увидела трех исполинов в доспехах. Космические Десантники! Да! Эти священные воины покончат с кошмаром, она почувствовала, что огромная тяжесть свалилась с ее плеч, — ее молитвы услышаны.

Однако чем дольше она смотрела на экран, тем меньше оставалось надежды. Вход в командный центр был спроектирован таким образом, чтобы командный центр мог противостоять самой яростной и продолжительной атаке, и даже тридцати Космических Десантников не хватит, чтобы пробиться через метровый слой листовой стали. Уловив краем глаза мерцающее движение, она перевела взгляд на свой дисплей, который отразил приближение воздушного судна. Аппаратура вывела на экран данные о курсе, скорости и высоте его полета. Это был «Громовой Ястреб».

Девушка украдкой бросила взгляд на Воренса, который, ухмыляясь, смотрел на трех Космических Десантников, пытающихся пробиться на командный пункт. Лютрисия поняла: у нее лишь несколько секунд, Воренс наверняка сейчас заметит приближение десантного шаттла. Девушка лихорадочно размышляла, как воспользоваться этой возможностью, и вдруг ее страх сменился пугающим спокойствием: Лютрисия поняла, что должна сделать.

Ее пальцы профессионально заплясали по рунам пульта, передавая точные данные о местонахождении командного центра на «Громовой Ястреб». Пусть немного, но это все, что в этой ситуации была способна девушка-техник.

Да, Воренс увидел-таки «Громовой Ястреб» на главном экране и стал торопливо приводить в действие системы обороны, но Лютрисия продолжала надеяться, что ее скромного вклада окажется достаточно.

Небольшая группа людей под руководством инквизитора Арио Барзано вынырнула на солнечный свет посадочной площадки, и инквизитор поймал себя на том, что никогда еще не радовался при виде неба так, как сейчас. Пошатываясь, люди направились к черному шаттлу, двигатели которого мерно урчали, готовые немедленно выдернуть судно из атмосферы планеты. Через открытый боковой шлюз Барзано разглядел Лортуэна Перджеда и его клерков. Барзано устало улыбнулся: «Громовой Ястреб» Ультрамаринов прибыл вовремя.

Дженна Шарбен вела медленно ковыляющую Ми-колу Шонаи к челноку. К счастью, теперь губернатор была в безопасности. Последний дворцовый страж помогал то и дело спотыкающемуся, бредущему из последних сил Алмерзу Чанде, который вдруг упал на колени. Не задерживаясь, Барзано прошел вперед, чтобы помочь женщинам.

И тут невероятно громко, даже на фоне работающих двигателей челнока, прогремел выстрел лазгана. Барзано обернулся и выхватил пистолет, недоумевая, как смогли мятежники добраться сюда. И ведь как быстро! Инквизитор озирался по сторонам, пытаясь осмыслить

происходящее: дворцовый страж был застрелен… Алмерзом Чандой, который сейчас держит на прицеле его самого, — миг, и он выстрелил, попав инквизитору в плечо. Барзано отбросило на борт челнока.

Вскрикнув от боли, инквизитор выронил оружие. Дженна Шарбен обернулась и тоже была сбита с ног хорошо рассчитанным выстрелом. Губернатор Шонаи стояла на трапе, в ужасе уставившись на Чанду, который теперь медленно приближался к ней.

Подняв оружие, он прицелился в купол пилота, сделав угрожающий жест ребром ладони по горлу. Пилот выключил двигатели и отстегнул привязные ремни.

Чанда застрелил его через купол.

Барзано пытался подняться, а на площадку из дворца высыпала толпа солдат ПСС в серой униформе. Микола Шонаи стояла перед Чандой, ее лицо превратилось в каменную маску ярости.

— Почему? — просто спросила она.

— Вы — это прошлое, — так же просто ответил Чанда. — Слабое, печальное прошлое, старомодно преданное сморщенному трупу на планете, которую вы, Микола, даже никогда не видели.

— Вы отвратительны, Алмерз. Подумать только, что когда-то я называла вас другом!

Она отвесила Чанде тяжелую пощечину и плюнула в лицо.

Чанда ударил ее прикладом лазгана. Женщина упала, из ее сломанного носа брызнула кровь, но взгляд губернатора по-прежнему пылал яростью.

Барзано старался не обращать внимания на боль в плече от лазерного ожога. Глядя на Чанду, он уже даже готов был смириться с поражением, но твердо намеревался забрать с собой в ад этот кусок нечестивой грязи. Он попытался поднять руку и прицелиться, но Чанда схватил его за волосы.

— Я давно хотел сделать это! — прошипел он, ударив Барзано головой о корпус шаттла.

— Кончай со мной и убирайся, — простонал Барзано, которого замутило от удара.

— О, я не собираюсь убивать тебя, Арио. Не-ет, на службе у моего работодателя есть, э-э-э, специалист, в руки которого, я полагаю, ты и попадешь. Хирург — изумительный мастер.

Барзано выплюнул кровь и спросил:

— Почему бы тебе не назвать его имя? Или зловоние собственного предательства забило тебе горло? В состоянии ли твой крошечный умишко постичь масштаб ошибки, которую ты только что совершил?

При словах инквизитора Чанда лишь расхохотался, а солдаты ПСС тем временем окружили «Громовой Ястреб».

— Ошибки? — прошипел Чанда так, что мог слышать только Барзано. — Думаю, нет. Это ты сделал ошибку, прилетев сюда. Вскоре я стану частью бессмертной когорты воинов, сражающихся рядом с вновь разбуженным богом!

Теперь для Барзано наступил черед рассмеяться.

— Это тебе де Валтос наобещал? — ухмыльнулся он. — Тогда ты еще больший дурак, чем я думал. Я же знаю, как ты его боишься. Если де Валтос преуспеет, ты умрешь. У тебя отнимут жизненную энергию, чтобы насытить то существо, которое он называет богом.

Чанда встал, его лицо было перекошено злобой. Отвернувшись, он торопливо заговорил в маленький передатчик, который извлек из кармана. Барзано напряг слух, но не смог разобрать слов.

Тогда инквизитор поднял взгляд к небу, надеясь увидеть в нем спешащий на помощь крейсер «Горе побежденному», из которого посыплются атакующие Ультрамарины, но тяжелый крейсер не мог войти в атмосферу планеты — он бы ее просто уничтожил. Теперь ясно, почему не был активирован энергетический щит: де Валтосу каким-то образом удалось внедрить своего человека в управление обороной дворца. Что же стало с Леаркусом и двумя Космическими Десантниками, которых он послал на пункт управления? Именно об этом думал сейчас Арио Барзано.

В небе возник другой челнок, стремительно снизился и сел в облаке выхлопных газов на дальнем крае площадки. Опустился трап, и из корабля вышло несколько фигур. Кто же это? Крепко прижимая к груди кожаный чемоданчик, на платформу спустился торжествующий Казимир де Валтос. За ним следовал Вендаре Талун, и Барзано почему-то решил, что тот больше похож на приговоренного к казни, а не на победителя. За главами картелей маячили две стройные фигуры, и Барзано ощутил трепет мрачного предчувствия, узнав зыбкую походку эльдаров — мужчины и женщины.

Оба ксеноса были из темных сект, которые жили за пределами обычных сфер галактики. Поняв это, Барзано пришел в ужас: для него, для губернатора, да и для всех остальных людей сейчас лучше было бы оказаться мертвыми. Женщина двигалась с грацией балерины, в каждом ее жесте ощущалась сладострастная смертоносность, в то время как мужчина шел чопорно, слегка сутулясь, — он как будто не привык к дневному свету. У обоих эльдаров были жестокие лиловые глаза и кожа бледная, как полированная слоновая кость.

Женщина не смотрела на людей, но мужчина обдал их взглядом такой пустоты, что даже закаленная душа Барзано пришла в уныние.

Алмерз Чанда протянул винтовку солдату ПСС, которому тоже явно было не по себе: всех без исключения при виде эльдаров охватила тревога. Их появления не ожидал никто.

Казимир де Валтос стоял над поверженным губернатором и улыбался, смакуя момент триумфа.

— Этот момент давно приближался, Шонаи, — наконец медленно произнес он.

Барзано изо всех сил старался не потерять сознание, а Чанда встал рядом со своим истинным господином:

— Я доставил их вам, как и обещал, мой лорд. Казимир де Валтос повернулся к Чанде и снисходительно кивнул:

— Разумеется, Алмерз. Ты доказал, что твое предательство абсолютно.

Барзано уловил смущение и беспокойство Чанды. Его растерянность была даже более сильной, чем у солдат ПСС, стоявших на площадке.

— Я сделал все, о чем вы просили меня, мой лорд.

При этих словах де Валтос быстро наклонил голову в сторону женщины-эльдара. Ее рука неуловимым движением метнулась к кожаному поясу, и тут же в горло Чанды вонзилась черная стрела.

Алмерз Чанда рухнул на колени, кожа на его шее вокруг стрелы набухала с устрашающей скоростью.

— Мой дорогой Алмерз, — ласково проворковал де Валтос, — ты предал одного господина, что тебе помешает предать меня? Нет, лучше кончить все это вот так. Умри же верным мне.

Чанда, тяжело дыша, хватался дрожащими руками за горло. В считанные секунды его булькающие всхлипы умолкли — он потерял сознание и повалился на землю. Де Валтос обратился к мужчине-эльдару.

— Поступай с ними как сочтешь нужным, — произнес он, после чего пнул ботинком скорчившееся тело инквизитора. — Но сначала непременно удостой чести этого.

Барзано не испытывал никакого сожаления по поводу судьбы Чанды, ощущая лишь

тошнотворную неизбежность надвигающейся катастрофы. Ибо, если Казимир де Валтос действительно безумец, каким кажется, он вот-вот высвободит такую силу, с которой даже Барзано не знал, как справиться.

Де Валтос снова обратил свой взгляд в сторону Барзано, и инквизитор внутренне содрогнулся, осознав всю полноту безумия этого человека. Впрочем, человека ли?

— Я знаю, чего вы добиваетесь, де Валтос, — прохрипел Барзано. — И капитан Вентрис тоже. Он знает все, что знаю я, и обещаю, что он не позволит вам завершить это дело. Прямо сейчас он вызывает корабли и людей, чтобы разгромить вас.

Казимир де Валтос покачал головой:

— Если вы действительно понимаете, что я намерен сделать, тогда должны понимать и то, что, сколько бы новых кораблей и новых людей ни призвал на помощь Вентрис, ничто уже не сможет изменить ход истории.

Барзано хотел что-то возразить, но слова застряли в горле.

Ибо инквизитор знал, что Казимир де Валтос прав.

http://tl.rulate.ru/book/30591/671993